

Константин Мосин

История одной жизни

**Нижняя Тура
2009**

Оглавление

Константин Иванович Мосин.....	2
Глава первая.....	3
Детство.....	3
Раскулачивание и выселение.....	3
Поселок у Белой горы.....	6
Попытка побега.....	9
Школа.....	11
Похищение красного флага.....	15
Наши друзья.....	15
Сенокос.....	20
«Расстрел белогвардейцев».....	22
Книги.....	23
Кино.....	25
Очереди.....	32
Рыбалка.....	33
Предвоенные годы.....	36
Военные годы.....	41
На поселке Кардон.....	48
Семьдесят лет спустя.....	52

Константин Иванович Мосин

Родился в 1927 году в деревне Гольяны Оханского района Пермской области. В 1931 году с раскулаченными и высланными родителями привезён в Белогорский посёлок Висимского района Свердловской области. С ноября 1944 года по май 1951 года служил в Советской армии. В 1945 году участвовал в войне с Японией, был награждён медалью "За боевые заслуги". После увольнения в запас, и окончания вечерней средней школы, поступил в Свердловский горный институт. С 1958 года, до выхода на пенсию, работал в Исовском прииске объединения "Уралзолото" в качестве техрука и начальника драги, начальника цеха ремонта горного оборудования и главного механика прииска.

Награждён орденом "Трудового Красного знамени", медалью "За доблестный труд", знаком "Отличник соцсоревнования цветной металлургии", правительственными юбилейными медалями.

Двадцать лет избирался депутатом Нижнетуринского городского совета.

Присвоено звание "Почётный гражданин города Нижняя Тура".

Имеет печатные труды – книги: "Обслуживание и ремонт дражного оборудования", "Исовские фронтовики", "Забывтые герои", "История добычи платины на Урале", "Спецпереселенцы", "На Исовских приисках", "Спецпереселенцы Белогорского посёлка", "Гора Белая", главу в книге "Нижняя Тура", материал о добыче платины в третьем томе "Уральской горной энциклопедии", статьи в технических журналах СССР.

Глава первая Детство

Раскулачивание и выселение

Деревня Гольяны разделена речкой Сива на две части: Большие и Малые Гольяны. Мы жили в Малых Гольянах на высоком берегу. Дом и усадьба принадлежали деду Герасиму. Отец, -Мосин Иван Петрович, родился в тридцати километрах от Гольян в деревне Пашур Черновского района, в семье небогатого крестьянина. После свадьбы переехал жить к жене, нашей матери, в Гольяны. Отца его, Петра Ивановича в деревне прозвали «Петрован без четверти». Зимой он поехал в Оханск на ярмарку. Продал кое-что из продукции своего хозяйства, купил к Рождеству гостинцев внукам и своим близким, а на праздник купил четверть вина. Все это уложил в сани и стал поправлять сбрую на лошади. Но его внимание привлёк спор трёх молодых парней.

Они оказались около его саней и, глядя на купол церкви, спорили. Один из парней кричал, что крест на церкви покосился и скоро упадет, второй доказывал, что крест стоит прямо, а третий пытался их унять.

Деда заинтересовало это, и он тоже стал смотреть на купол церкви. Первый парень легонько взял деда под локоть:

- Ты, дед, вот отсюда посмотри, здесь виднее, и отвел его от саней.

- Вон видишь, в сторону Камы его покосило!

- Да нет же, прямо стоит крест! – Горячился второй парень, отгораживая деда от саней. А третий парень на миг куда-то пропал. Дед внимательно посмотрел на крест и заявил, что он стоит прямо. Тогда первый парень похлопал его по плечу и спросил:

– Тебя как зовут, дед?

– Петрован.

– Ну, ладно! Будешь ты теперь зваться Петрован без четверти! Дед принял это на счет своего маленького роста, завалился в сани и довольный поехал домой.

И только у себя во дворе обнаружил пропажу четвертной бутылки с водкой.

Пошарив в сене он вдруг, неожиданно для родных, окруживших его при въезде во двор, разразился криками. Бегая вокруг саней кричал так, что слышали соседи и прохожие на улице:

– Варнаки! Шпана оханская! Воры! Голодранцы! – кричал он. – Будьте вы прокляты, чтоб вы подавились!

Дед махал кулаком в сторону дороги, откуда приехал, топал ногами и, наконец, немного успокоившись, начал молча распрягать лошадь. В доме боялись его, считали за хозяина, поэтому сразу не стали приставать к нему с распросами.

Наконец, окончательно успокоившись, он рассказал о случившемся на базаре, не забыв упомянуть о том, что парень назвал его «Петрован без четверти.»

С тех пор это прозвище так и прилипло к нему, хотя в глаза никто не называл его так.

Пашурский дед был не богатый и после дележа имущества между подрастающими сыновьями, отцу мало что досталось бы, поэтому нашего отца отправили в Гольяны. Дом в Гольянах у деда Герасима большой одноэтажный. Богатыми в деревне нас не считали.

У нас сохранилась справка такого содержания.

штамп:

РСФСР

Пермский округ

Уральской области

Гольянский Сельский Совет

рабочих, крестьянских

и кр. депутатов

Оханского района

14 июня 1928 г.

Дана настоящая Мосину Ивану Петровичу деревни
Гольяны, Гольянского с/с, Оханского р-на в том,
что означенный действительно имущественного
положения середняк, что и свидетельствует с/совет

Председатель (неразборчиво)
Секретарь

А вот другая справка, данная через год с небольшим:

Дана сия гр-ну д. Гольяны, Гольянского с/с, Оханского района Мосину Ивану Петровичу в том, что он имеет дом с надворными постройками, посева 7,1 десятин, сенокосов незаливных 0,55 дес, пустошь косимая 0,35 дес, лошадь трех лет, корова 1, нетель 1 – 1.5 года, овец 2. Семейное положение 8 человек, с/налога платит 5 руб. 67 коп. Основание: посемейный список, что и удостоверяет Гольянский с/с и К. КОВ.

Подпись и печать.

Третья справка, данная уже старшему сыну нашего отца после выселения.

Справка-характеристика

Дана настоящая гр-ну д. Гольяны, Гольянского с/с, Оханского р-на Свердловской области Мосину Федору Ивановичу в том, что соц. имущественное положение – сын зажиточного середняка. В 1931 г. отец был выслан.

Председатель с/с (подпись)
Секретарь (подпись)

Из этих документов видно, какими были кулаками мои родители и многие другие раскулаченные и высланные крестьяне.

По рассказам старшего брата Федора в нашей деревне никто и никогда не имел батраков, каждая семья на своей земле (примерно 1 гектар на человека) и по домашнему хозяйству справлялась сама.

Отец наш был человек на редкость тихий и скромный, не способный кого-либо обидеть даже словом.

Отец матери, дед Герасим, наоборот имел строптивый характер. По-видимому, это и явилось одной из причин, по которой мы попали в списки под раскулачивание, хотя в деревне были далеко не самыми богатыми.

К нам пришли утром. Стояла весна 1931 года. Председатель сельсовета зачитал постановление о выселении и велел собираться.

– Берите все, что можете унести.

Но брать особенно было нечего. Все богатство составляли: дом с дворовыми постройками, скотина и земля, а их с собой не возьмешь.

На подводу погрузили небольшой сундук с одеждой, чугуны, ухваты, топор, пилу и другую мелочь.

Мама, плача, просила не трогать старого деда, которому в то время было уже 82 года, на что председатель сельсовета ответил:

- Что ты, Мария, из-за него вас и высылают и добавил. – Вас не раскулачивают, а временно отправляют на принудительные работы.

На выселении дед прожил недолго. От тоски и лишений сошел с ума. Зимой раздетый, босиком убегал из дому, мама и сестра бежали за ним, полузамерзшего приводили в избу.

Перед смертью он часто стоял у окна и глядя в темноту, на снежную метель, говорил:

–Вон обоз пошел. Мужики в Пермь поехали, там нынче мясо в цене.

Я подходил к окну, внимательно вглядывался в темноту, но кроме огоньков в окнах соседних домов ничего не видел. Дед сердился, если я говорил, что там никого нет.

Последние дни на выселении он лежал молча на полатах, умер спокойно. По железной дороге нас привезли

на поселок Висим, оттуда подводами увезли в лес. Выгрузили на большой поляне, там стоял барак, куда поместили семей 15. Каждой семье отвели небольшой закуток на нарах. От соседей отгородились старым одеялом. Было начало мая, поэтому пищу готовили на улице, где была на кирпичной кладке установлена большая плита. Огонь под плитой горел с утра до вечера.

Вскоре все перезнакомились, особенно дети быстро сдружились. Вечером, в хорошую погоду здесь было весело, шум, гам, смех. Около барака большая поляна, на ней мы и проводим целые дни, играем в шарик, в чижик, на опушке леса в прятки или казаки-разбойники.

Вокруг барака и поляны лес: сосны, ели, пихты, березы, рябина, кустарник. Мы любим бродить по опушке леса. Пахнет прошлогодними прелыми листьями, под ногами шуршит сухая листва, потрескивают мелкие сучья. Пошла зелень, ищем кислицу, собираем сухие шишки и сучья для самовара.

Вскоре поляна покрылась зеленью, а деревья свежими листьями, в них щебечут птицы.

Барак в 3–4 километрах от районного центра, поселка Висим. Наши родители работают на драге номер 12. Выселенцев используют на строительстве плотин и на заготовке дров для драги. Плотины строятся вручную, землю из забоя возят по доскам тачками. Драга моет платину на речке Сисимка, впадающей в реку Шайтанка. Днем и ночью слышно как она грохочет.

Кто-то из ребят предложил пойти и посмотреть как она работает. Взрослые говорят, что близко к ней подходить нельзя, драга закреплена стальными канатами, которые то ослабевают, то натягиваются вдруг как струны и если в этот момент человек попадет под канат, ему может переломать ноги или убить насмерть.

Ватагой отправляемся по лесной тропинке в сторону драги. Выходим к реке. Взору открываются огромные гребни камней. Берег реки усеян сломанными стволами деревьев, вывороченными корнями пней, крупными камнями. Картина довольно неприглядная. Все это результат работы драги.

Вон и она ворочается в мутной, грязной воде, как древнее чудовище скрежеща зубами – стальными ковшами о скальный грунт. Ковши врезаются в породу и наполненные ползут по мощной стальной раме кверху, там, переваливаясь через барабан, опоражниваются в люк и снова идут за очередной порцией породы, содержащей платину.

От скрежета черпаков и грохота машин и механизмов внутри драги и вокруг ее стоит непрерывный гул. Драгу трясет и порой она ныряет носом вниз как утка. Она кажется мне огромной, хотя позднее мы узнаем, что это одна из маленьких.

Мы стоим вдали и смотрим как ковши идут один за другим и ждем когда же будет конец, то так и не дождались, так как ковши соединены в одну огромную непрерывную цепь.

Драга ползает слева направо и справа налево по забою как на колу. Остановилась вдруг, наступила тишина. Рама с черпаками поднялась кверху, вся драга надвинулась на забой, заскрежетала и все повторилось снова. Сзади из длинного хвоста-стакера, посыпалась в отвал промытая пустая порода.

С этого дня мы частенько стали ходить и смотреть на ее работу, а вечерами мужики и женщины, собравшись посидеть на бревнах, обсуждали новости, которые увидели и услышали на работе.

- Сегодня подфартило, богатая намывка была, – говорили они, или наоборот.

- Стоит драга на аварии, цепь порвалась, месячный план едва ли будет выполнен, – с сожалением рассуждали мужики.

А мы уже знали, если плана не будет, значит родители денег домой принесут меньше. Это плохо.

Мне тогда было только четыре года и я в мыслях даже не мог предположить, что через 30 лет буду работать начальником такой же, только наиболее крупной, драги.

Вечером любимая наша игра в шарики. Круглый, выстроганный из дерева шарик кладут на бугорок, около него в 2 - 3 метрах, стоит тот, кто галит (проигравший), а остальные метров с пяти-шести кидают палки, стараясь попасть в шарик.

Я мал и меня редко принимают в игру. Сегодня приняли и я галю, стараясь стоять поближе, чтобы в случае быстрее схватить шарик и застучать того, кто не успеет сбегать за своей палкой.

Палки летят мимо меня буквально в 1 - 2 метрах. Вдруг удар по лицу, у меня искры сыплются из глаз. Это Ирка Угольникова неудачно бросила палку и она попала мне под левый глаз, кровь залила лицо, я громко реву, все перепугались.

Шрам под глазом у меня остался на многие годы.

Летом поспели грибы и ягоды. Мы гурьбой ходим в лес за ними. Сегодня с сестрой Дусей вдвоем идем вдоль

дороги в сторону Висима за земляникой. Набрали почти по полной кружке спелой пахучей ягоды. От барака удалились с километр.

Вдруг из кустов выскакивают три незнакомых висимских парня.

– Лови подкулачников! Бей их! – Кричит один.

Мы поворачиваемся и бежим сколько есть мочи. Дуся хватает меня за руку и тянет за собой. Те догоняют, но навстречу идут две наших женщины и ребята отстают.

Прошло лето. К нам привезли моего брата Толю, он на четыре года старше меня, с детства хромой. Дуся в это же время уходит на Висим в няньки в дом к старателям. Старатели там живут богато.

В начале зимы к нашим соседям по бараку, Соколовым, в санях на лошади привезли их вторую дочь, ее зовут Валя, мы с ней одноклассники. Отец девочки Алексей Савельевич поднял ее, закутанную в одеяло из саней, поставил на землю и говорит мне шутя:

– Вот, Костя, невесту тебе привезли. Девочка симпатичная, не глупая. Мы с ней потом жили рядом, ходили вместе в школу. Когда я служил на Дальнем востоке в армии обменивались письмами, но невестой моей она не стала.

Поселок у Белой горы

В декабре того же тридцать первого года всех выселенцев Висимского района собрали и перевезли в специально для них построенный поселок, расположенный у Белой горы.

Поселок называли Белогорским. Он вытянут двумя длинными улицами перпендикулярно к Белой горе.

В полутора километрах от Белогорского находится большой приисковый поселок Красный Урал. Позднее он стал называться Уральцем.

На нашей поселке около сотни домов как две капли воды похожи друг от друга.

Дом размером 6х6 метров, разделен посередине дощатой перегородкой, на выходе общая кухня, посередине дома русская печь, по бокам два камина. В каждом доме поселено две семьи, на каждую из них приходится 16–17 кв. м. жилой площади.

В соседнем доме в одной половине жила семья Кожевниковых. Кроме главы семьи и его жены было 4 сына и 2 дочери. В другой квартире того же дома семья Соколовых. У них тоже шестеро детей. Таким образом, на каждого члена семьи приходилось по два квадратных метра. Таких семей на поселках много. Спят в вповалку на полу и на полатях.

Обстановка в домах примерно одинаковая: самодельный грубо сколоченный стол, кровать, одна или две скамейки, деревянный, обитый полосками железа сундук, привезенный из деревни, в нем хранится все богатство семьи; примитивная кухонная посуда. Из одежды, в основном, кто в чем приехал.

Наш дом, второй с конца улицы, почти у самой горы. В первое время Белая гора казалась мне похожей на большого лежащего медведя. Левая часть ее покрыта лесом, в средней части лесные полосы перемежаются с россыпями камней, а правая, более высокая часть, сплошь состоит из каменной россыпи и поэтому кажется более мрачной.

Я родился и рос в холмистой местности, занятой большей частью полями и лугами, поэтому вид горы сильно удручал меня. Она давила своей высотой, казалась страшной, особенно в темные, зимние ночи, когда гора как бы подступала к поселку и нависала над домами темной массой. Казалось на ее каменистых склонах и в лесу живут злые духи и вся она кишит дикими зверями.

С наступлением лета Белая гора преобразилась, покрылась зеленью и даже каменистые россыпи приняли другой, более привлекательный вид, Она отступила от домов и манила к себе, особенно нас детей и подростков и вскоре стала нашим любимым местом прогулок и детских игр.

У ее подножья и на нижних склонах растет черемуха, рябина, малина, жимолость, на полянах земляника. Выше стоит в основном хвойный лес, прямо на скалах низкие корявые кедры.

На южных склонах, в отдельных местах, встречаются полянки, покрытые, как ковром, яркими красивыми цветами. Из-под земли и камней бьют ключи холодной воды.

Белая гора находится чуть в стороне от осевой цепи Уральских гор. Недалеко от ее северного склона, почти рядом друг с другом, берут начало две речки Мартьян и Чауж, первый течет на запад, в Европу, второй на восток, в Азию.

В семнадцатом веке вокруг Белой горы было много старообрядческих поселений из беглых староверов, которых позднее использовали для работы на своих заводах Демидовы.

Особой достопримечательностью Белой горы является ее вершина с огромной скалой. На эту вершину ведет тропа. По ней через наш поселок часто идут любители природы и просто отдыхающие, чтобы с высоты полюбоваться просторами и красотой Урала.

Первый раз на вершину горы я попал когда мне было лет восемь. Ребята постарше взяли меня с собой.

Скалу на вершине мы просто называем «Камень».

Летняя тропа от поселка круто поднимается в гору. В отдельных местах приходится прыгать с камня на камень. По гребню горы тропинка ведет через лес и кустарник. Вышли на небольшую прогалинку, где прямо в камнях бьет ключ холодной воды. Тут же лежит консервная банка. Здесь все останавливаются, остановились и мы попить свежей воды. После короткого отдыха идем дальше. Через 10–15 минут выходим на небольшую поляну и за редкими деревьями взору открываются контуры огромной скалы. Она выступает из-за деревьев темно-серой массой, загораживая часть горизонта. Скала производит неизгладимое впечатление, от ее угрюмого вида становится жутко. Длина скалы 20 метров, высота около 12. По бокам, на некотором расстоянии стоят, как часовые, еще два остроконечных пика почти такие же высокие как и сама скала, но небольшие в сечении, недоступные для восхождения на них.

У подножья скалы небольшая поляна, окруженная кустарником, рядом из под камней бьет ключ холодной чистой воды, тут-же большой плоский, как стол, камень, а вокруг поменьше камни, садись и отдыхай. Многие так и делают, приходят с закуской и с друзьями сидят здесь, а ночью отдыхают в палатке или в шалаше.

На вершину скалы специального прохода нет, но молодым и здоровым подняться не трудно, хотя в отдельных местах это проделывать приходится на четвереньках. На самой вершине установлен геологический знак «715 м» (это от уровня моря). Отсюда с крохотной площадки взору открывается чудесный вид.

На востоке, кажется прямо под ногами, раскинулся во всей своей красе знаменитый Черноисточинский пруд. О нем ходят легенды, будто бы на одном из его островов в подземелье Демидовы чеканили золотые монеты, но это неправда, хотя Акинфий Демидов некоторое время жил на острове Сосновом, находящимся в южной части пруда, где у него был построен дом, перевезенный впоследствии в Нижний Тагил.

На противоположном берегу пруда раскинулся старинный Демидовский горнозаводской поселок Черноисточинск позднее ставший старательским поселком. История его тянется в восемнадцатый век, к моменту появления на Урале Демидовых.

Вокруг Черноисточинска в те годы жило много старообрядцев, которые под видом старцев и стариц жили в лесах. Они распахивали земли, разводили огороды, занимались скотоводством, жили полным хозяйством. Каких только сект здесь не было.

Далеко за Черноисточинском, чуть севернее его, видны контуры зданий и заводских труб Нижнего Тагила. Левее, недалеко от горы видна полоска запасного пруда, отгороженного старинной высокой плотиной. Еще левее знаменитые Соловьевы горы, богатые дунитом и платиной. Их слава еще впереди. Рядом с этими горами, на западе, выступают дома Красного Урала, а за лесом и за горой Шульпихой видны два конца поселка Висим, родины известного уральского писателя Мамин-Сибиряка. История этого поселка тоже интересна.

Между Красным Уралом и Белой горой вьется речка Мартьян, впадающая в реку Шайтанка.

Старые геологи называют Мартьян с прилегающими к нему логами самой богатой рекой в мире по содержанию платины.

Кругом, сколько хватает глаз, раскинулось безбрежное море лесов. Только около Висима видны небольшие совхозные поля.

В лесах водится много всякого зверя. Мамин-Сибиряк писал: «Весной, когда пригреет солнце, в своих берлогах просыпаются медведи. Угрюмые и злые они выбирают из своих лежанок, начинают кататься по земле, чешутся, страшно ревут, пугая людей и скотину».

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк родился и жил в тех местах и в те годы, когда в Нижнетагильском месторождении шла бурная добыча платины. Его родина поселок Висим, вторая половина XIX века.

Урал для писателя – «тело каменно, сердце пламенно».

В своих произведениях он сумел передать своеобразие природы края: негромкую поэзию бледных красок северного неба, строгую простоту готических линий вечнозеленых елей, радостную игру солнечного света на бронзе сосновых стволов, мрачную задумчивость высоко взнесенных шиханов, прелесть расплеснувшихся без края лесов,

уходящих вдаль, как волны огромного моря.

Входя в уральский лес, автор оживает в нем душой и телом, отрешается от суеты городов. «Здесь в лесу чувствуешь себя безотчетно хорошо, точно перенесся совсем в другой мир, разом стряхнув с себя тревожнения, которые одолевают в обыкновенное время. В лесу человек чувствует себя желанным и дорогим гостем, а не чужаком».

«— Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменные кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудесным горным воздухом, напоенным ароматом горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес. (Зеленые горы). Как же здесь хорошо. И горы, и лес, и зеленый заливной луг — все это ноты отдельной могучей гармонии. (Хозяин).»

В конце XIX века он писал об этих местах: «Милые зеленые горы!... Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и ясней, и люди там такие добрые, и сам я делаюсь лучше».

После окончания Второй мировой войны часть территории этих лесов будет объявлена Висимским заповедником.

Главное богатство в этих местах, между Черноисточинском и Висимом, платина.

Но обо всем об этом я узнаю через многие годы, а сейчас просто люблюсь детскими глазами красотой природы, раскинувшейся у меня под ногами.

На этой скале я бывал много раз, последний из них в 1990 году, в возрасте уже 63 лет, но всегда смотрел как впервые. К счастью природа здесь почти не изменилась.

Наших родителей определили работать на прииске. У выселенцев выбора не было. Куда направят, туда и должен идти работать. Кто пограмотнее и помоложе те стали осваивать наиболее сложные специальности, например в мехцехе обучались на токарей, слесарей, электросварщиков, формовщиков в литейном участке. Других послали на лесозаготовки, конный двор, плотниками и так далее.

Бывшие крестьяне добросовестно осваивали рабочие специальности. Ежемесячно стали получать зарплату.

Около домов были выделены участки земли под огороды и жители охотно разрабатывали целину, садили картошку и другие необходимые овощи.

На поселке был открыт медицинский пункт, достраивалась начальная школа и клуб, работала общая баня. В квартирах горел электрический свет, но мы не знали, что для включения лампочки бывают выключатели. Каждый вечер кто-либо из взрослых поворачивал лампочку в патроне, свет загорелся, а ложась спать, лампочку снова поворачивали.

Была разрешена переписка с родственниками. Из деревень приходили невеселые письма. У крестьян отобрали землю, лошадей, инвентарь (жатки, сеялки, веялки, молотилки), хлеба на трудодни давали мало, выйти из колхоза и уехать невозможно, так как паспорта отобрали.

Многие выселенцы, особенно молодежь, стали задумываться. Кто выиграл и кто проиграл от всех этих изменений? Кого выслали или те, кто остался дома?

Решение часто оказывалось не в пользу оставшихся в деревне.

Но в первое время старики, да и многие молодые очень тосковали по родным местам.

Мой отец, полуграмотный крестьянин, участник Первой мировой войны, стал работать на лошади. Моя мама, совершенно неграмотная, но очень бойкая, ее так и звали Маша Бойкая, попала работать сполоскателем на драгу. Эта работа связана с отделением золота и платины от пустой породы на шлюзах.

Сперва выселенцам не доверяли такую работу, но заметили, что она очень трудолюбивая и честная женщина и взяли, а через 2–3 года назначили бригадиром сполоска. Через ее руки прошли десятки килограмм драгоценных металлов.

Сестра Дуся и брат Толя пошли в школу, которая находилась в центре поселка. Учились хорошо и с удовольствием рассказывали о школьных делах. В доме стали появляться детские книжки, я любил слушать интересные рассказы об индейцах, о Красной армии, о детях беспризорниках, о разбойниках и о животных, слушал внимательно все, что читали. Увлечение книгами у меня на всю жизнь осталось, и они сыграли в моей жизни огромную роль.

Более взрослые ребята после окончания начальной школы пошли учиться на красный Урал в семилетку.

В середине тридцатых годов в стране было объявлено о ликвидации неграмотности, для взрослых на поселке была открыта вечерняя школа «Ликбез» — ликвидации безграмотности. Моя мама тоже пошла туда учиться.

Наши родители ревностно следили, чтобы мы учились, они хотели, чтобы судьба их детей была более благо-

приятна, чем их судьба. В этом отношении мы брали пример со старшего брата – Федора, который не попал с нами под выселение, в то время он жил в соседнем селе и учился в седьмом классе, но закончить не успел, его, как лучшего ученика, направили работать учителем начальных классов в отдаленную деревню. В 1938 году с этим образованием он поступил в Пермский педагогический институт и уже через много лет после войны ему было присвоено звание «Заслуженный учитель республики».

Дома я остался один и меня определили в детскую площадку, так тогда называли дошкольные детские учреждения, по-современному детский сад.

Грудных детей не брали, а таких как я, и чуть постарше или помоложе, с поселка набралось много.

Это было неприспособленное помещение, одна большая комната, кухня, коридор и все. Зимой было тесно, шумно, а летом в хорошую погоду мы целый день проводили на улице, играли кто во что горазд, ходили в лес на прогулки или просто сидели на солнышке, иногда воспитательницы читали нам книжки.

В 1932–33 годах было очень голодно и главным событием у нас был обед, который мы с утра с нетерпением ждали. В обед получали по куску хлеба, суп с картошкой и перловой крупой, пару ложек каши с маслом или несколько штук жаренных макарон и стакан чая. Нашим воспитанием занимались две молодые девушки с Красного Урала, в нашей группе была веселая, добрая воспитательница, ее мы звали тетя Зина. Она нам казалась самой красивой и самой лучшей. Зина никогда на нас не сердилась, не повышала голоса и целые дни проводила с нами.

Ко мне она относилась особенно хорошо, может быть из-за того, что я тоже был веселым, мастером на всякие выдумки.

К празднику 1 Мая приготовили концерт и группа ребят во главе с Зиной пошли выступать в клуб на Красный Урал. Клуб новый, большой. Зрителей, в основном детей, собралось мало, сидели только на первых рядах. Мы очень волновались, на сцене выступали первый раз. Концерт начался, была тишина, но вдруг в зале кто-то свистнул, потом крикнул:

–Выселенцы! Кулаки!

Нарушителей тут же вывели. Мой номер, я выхожу и громко читаю стихотворение, посвященное первому маю. На первом ряду мордастый парень, лет семи-восьми исподтишка показал мне кулак. Я, окончив читать стихотворение, показал ему язык. При выходе из клуба этот парень ухитрился пнуть мне под зад, я плюнул в его сторону, но вмешались взрослые и на этом ссора закончилась.

Этот же концерт у себя дома мы показали своим родителям, те были очень довольны и громко хлопали в ладоши. С этого момента я полюбил художественную самодеятельность и охотно стал выступать на сцене.

К октябрьским праздникам стали вручать подарки – дешевые игрушки, тетрадки, цветные карандаши.

Мне очень хотелось получить кубики с картинками зверей. Но их вручили моему другу Мишке Ибрагимову, а мне дали тетрадку и пару цветных карандашей.

В то время это был тоже хороший подарок. Я расстроился, это увидела Зина, она погладила меня по голове и сказала:

–Не обижайся, Миша сирота, у него недавно умерла мама, его надо поддержать.

Вечером с Мишкой долго складывали из кубиков картинки зверей. Мишка татарин, он хороший парень, мы с ним дружили много лет.

На следующий год площадку перевели в длинное здание посередине поселка, где была комендатура. Там было просторнее, стояли столы, где мы могли рисовать или делать из бумаги игрушки.

О детской площадке у меня остались в памяти на долгие годы самые лучшие воспоминания. Здесь я усвоил первые навыки поведения в коллективе, выучил первые буквы алфавита, приобрел друзей.

Попытка побега

В 1932–33 годах в стране был голод. Нормы выдачи хлеба и других продуктов мизерные. Выселенцы особенно страдают, так как огороды в каменистой почве разработать не успели. Камни, как изгороди, лежали по краям нашего огорода. Их из гряд убирают весной и осенью, но они как растут. Позднее население будет пригораживать участки земли за поселком, а сейчас имеем 4-5 сотки на семью.

Скотину, коз, завели еще не многие, о коровах только мечтают.

Мама, как и другие женщины, в муку, при выпечке хлеба, подмешивает молотую кору деревьев и мелкие опилки осины для того, чтобы хлеба получилось побольше, но это двойной обман самих себя.

Меня немного спасает детская площадка, там один раз в день, хотя и скудно, но кормят.

Летом немного лучше. В пищу идет крапива, пиканы, пистики, под осень грибы, ягоды.

Мы с начала лета пропадем в лесу, срываем и едим зеленые побеги сосновых шишек, ищем «заячью» траву, сладкие луковицы саранок, этим утоляем на время голод.

Летом 1935 года родители решили отправить сестру Дусю попроведать родню в Оханском районе, откуда нас выслали. Ей в то время было 15 лет. Это держится в секрете так как выезд выселенцам с поселка, независимо от возраста, строго запрещен.

Вечерами Дуся шепотом рассказывает мне что привезет шанежек и сдобных калачиков. Это было пределом моих мечтаний, я вспомнил деревенские праздники, когда все готовилось в изобилии и лежало на кухне. Сейчас румяные, пахучие шанежки и калачики часто вижу во сне и не могу дождаться, когда же сестра поедет за ними.

И вот этот день настал. Собрали небольшой узелок с продуктами на дорогу и денег на билет. Ехать придется дня три. Мама еще раз наказала как добраться до Оханска и как вести себя в дороге.

Сестра с подругой на заходе солнца, через зады, выбрались на лесную тропинку, чтобы не идти по улице поселка. Нужно было к ночи добраться до станции Урал и поездом по узкоколейке ехать до Нижнего Тагила, оттуда по железной дороге до Перми и дальше пароходом до Оханска. Все продумано до мелочей.

Девочки еще маленькие, никто их отсутствие на поселке не заметит. Комендант в основном следит за взрослыми, а детей он даже и не знает.

Но все наши планы лопнули, как мыльный пузырь, в тот же вечер.

Буквально через пару часов после ухода сестры из комендатуры пришел посыльный с вызовом родителей к коменданту. Такой вызов ничего хорошего не обещал. В комендатуре уже находились обе беглянки. Девочек отпустили, а родителей оштрафовали, строго предупредив на будущее. Дома сестра рассказала как их поймали. Они бодро шагали по лесной тропинке мимо поселка когда на выходе к большой дороге из-за кустов вдруг вышел Семен Горин, молодой, здоровый мужик из наших же выселенцев. На поселке шептались, что он «шпионит» за своими же выселенцами, все о чем говорят и делают, докладывает коменданту. Вполне возможно, что это была правда, так как «стукачей» в тридцатые годы было много. Люди его боялись и старались избегать. Работал Семен прямо на поселке электромонтером, что позволяло ему в любое время появляться в любом месте.

Только мы вышли к дороге как он оказался прямо перед нами и грубо спросил:

- Куда, девки, направились на ночь глядя?

Вырвал у нас из рук узелки, вытряхнул все на дорогу и говорит:

— Бежать значит решили? А ну пошли в комендатуру.

Так вот и лопнули мои мечты о вкусных шанежках и калачиках.

В 1936 году выселенцам стали выдавать паспорта и разрешение на выезд.

В 1937 году их снова отобрали и режим проживания еще больше ужесточили.

Некоторые из выселенцев, подкупив денег, уехали ближе к родным местам. Таких правда оказалось немного, так как здесь стали обживаться, а там надо начинать все сначала.

Тоска по родине и голод толкали многих выселенцев на побег, но мало кто решался на это, так как по дорогам милиция тщательно проверяла документы, которых у выселенцев не было.

Сестра после окончания семилетки перед войной уехала учиться в педагогический техникум в Оханск, во время каникул посещала родственников, но те мало чем могли помочь ей материально, так как сами жили бедно.

В деревне Гольяны наш дом был разобран, его хотели куда-то перевезти, но сразу не смогли этого сделать и постепенно растащили его и все надворные постройки на дрова. Жителей в деревне осталось мало, огород наш был заброшен, вскоре зарос бурьяном и кустами черемухи.

В 1938 году, когда мы с братом Толей приехали попроведать родных и пришли в свою деревню, на этом месте не обнаружили никаких признаков прежнего жилья. Толя опечалился, а я при выселении был очень мал, прошлого не помнил, поэтому на место, где я родился, смотрел хладнокровно. Больше здесь я никогда не бывал, хоть такое желание появляется до сих пор.

Школа

В школу я, как и большинство других ребят, пошел 8 лет. Такой был установлен возраст для поступления в первый класс. Многие родители не спешили отдавать в школу своих детей, по старинке считали, что дома больше от них пользы.

– Наши отцы и деды не умели ни писать, ни читать, а жили хорошо и долго, – говорили они.

В 30-е годы в стране наступила борьба с неграмотностью. Открылись тысячи школ в деревнях, селах и городах. В качестве учителей привлекали к этой работе не только людей со специальным педагогическим образованием. В деревни посылали грамотных людей из числа интеллигенции и передовых рабочих. Все дети, которые не смогли своевременно, со своими одноклассниками начать учебу, сейчас оказались за одной партой с малолетками. В нашем классе таких набралось много. Енька Возжаев на два года был старше меня, его брат Иван на 4 года, а Лебедек Андрей вообще был старше на пять лет. Были и девочки значительно старше меня. Все принимали это как должное, старшие не обижали младших.

Умственные способности здесь уважались, все зависело от характера и поведения ученика.

Я всегда старался быть там, где больше людей и где интересно, со мной считались и принимали в свою среду ребята старше по возрасту.

Наша учительница, Ольга Степановна, молодая, высокая женщина, учила нас с 1 по 4 класс. Она была строга и вспыльчива. На провинившихся бывало кричала:

– Не забывайте, кто вы!

Мы не забывали, так как в первые годы нам часто напоминали, что мы дети раскулаченных спецпереселенцев.

В школу я ходил с желанием. Там веселее чем дома. Читать довольно сносно научился в детской площадке, а так же от сестры и брата. Мог делать простые сложения и писать простые слова. В классе я считался хорошим учеником. Таких в то время называли «ударниками».

Отец у нас в свое время окончил 3-х классную школу, а мать была неграмотной, но оба всеми силами стремились дать нам образование и всячески поощряли нас в этом. В те годы были свои методы воспитания детей, некоторые из них были взяты из прошлого. Например в перемены, особенно в большие, организовывалось что-то вроде хоровода. В коридоре школы мы брались друг с другом за руки и ходили по кругу, вернее вдоль стен и пели:

– Эх вы сени, мои сени, сени новые мои...

Или вставали, берясь за руки, в два ряда лицом друг к другу. Один ряд наступал на другой и пел:

– А мы просто сеяли, сеяли...

После чего делали несколько шагов назад, а второй ряд наступая, пел:

– А мы просто вытопчем, вытопчем...

Организатором игр и других затей в школе был Шура Крашенников, ученик четвертого класса. Это был высокий, умный и добрый парень, помогал малышам, и те тянулись к нему.

Подходило к концу первое полугодие, приближались зимние каникулы, мы ожидали их, но с большим нетерпением ожидали новогоднюю елку с подарками. О праздничных елках знали только по книжкам и по сбивчивым рассказам некоторых взрослых. При советской власти, первоначально, новогодние праздники, следовательно и елки, были отменены и сейчас вновь стали проводиться.

В середине тридцатых годов даже в больших школах и клубах елки, в основном, украшались самодельными игрушками. Тогда еще не было разноцветных мигающих огней, разного рода фабричных гирлянд, серебристого снега, стеклянных бус и вообще фабричные игрушки были большой редкостью, и в простой поселковой школе все надо было готовить самим и многое здесь зависело от фантазии самих учеников.

В последние три недели перед новым годом этим и занимались многие ребята и девочки. Мы с Мишкой Ибрагимовым и несколькими девочками красим бумагу, режем ее, клеим разноцветные кольца в цепочки. Другие ребята из старых газет делают кульки для подарков.

Многие, тайно друг от друга, готовят выступления. Каждому хочется отличиться на елке. С завтрашнего дня объявлены каникулы, послезавтра, 30 декабря, наша елка.

Класс, где установлена елка, закрывается на замок, чтобы раньше времени дети ее не разглядывали и не обобрали

игрушки.

Елку украшают ученики 4 класса под руководством учителя. Они закрылись изнутри, а мы пытаемся подсмотреть через замочную скважину. Я наклонился и хочу рассмотреть, что там происходит.

– Дай я, – шепчет Мишка, отталкивая меня в сторону и плотно прижимает свой нос к дверям. В это время кому-то изнутри потребовалось выйти. Двери толчком открываются в коридор, Мишка отлетает в сторону, на лбу у него от удара ручкой всплывает волдырь. Ребята, хватаясь за животы, хохочут.

Наконец наступил долгожданный день. 1 и 2 класс проводят елку вместе, завтра она будет для 3 и 4 классов.

Широко открываются двери и мы парами заходим в ярко освещены, класс, где установлена елка. Нас под музыку с гармошкой встречает и приветствует дед Мороз, его трудно узнать, но по голосу определяем – это Шура Крашенников.

Елка хотя и украшена самодельными игрушками, но нам кажется чудесной. Звездой на верхушке она упирается в потолок. На ее ветвях и вокруг ствола ярко светятся электрические лампочки, вся опутана разноцветными бумажными гирляндами, от вершины в углы комнаты идут цветные флажки. Внизу ствол окутан белой ватой, там стоит самодельный дед Мороз. Наше внимание привлекают настоящие шоколадные конфеты в ярких обложках, подвешенные за ниточки к нижним ветвям, С песней «В лесу родилась елочка» идем вокруг ее. Затем еще поем несколько знакомых песен. Наконец каждый желающий показывает свой номер.

Девочки больше поют по одиночке или попарно, танцуют. Выступающих награждают кого конфеткой, кого пряником, некоторым дают тетрадку или даже небольшую детскую книжку, Я изо всех сил тяну руку, страшно боюсь, что меня не заметят и я не получу подарок.

Но вот дед Мороз объявляет:

- Выступает ученик первого класса Костя Мосин. Ну, что ты нам покажешь или расскажешь? А может спляшешь под гармошку?

- Я стихотворение расскажу, – говорю я.

- Ну давай!

Выхожу в круг к елке и громко декламирую:

- «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз. Гляжу поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз».

Все внимательно слушают меня, стихотворение старое, но мало кто из моих сверстников слышал о нем. Кончаю читать.

– Молодец! – говорит дед Мороз, срезает с елки красивую, большую конфету и награждает меня.

Моей радости нет предела, я улыбаюсь, кажется до ушей, и прячу конфетку в карман, уже мечтая как дома буду рассказывать в подробности о своем выступлении и показывать конфету. Это сейчас шоколадная конфета кажется пустяк, а в то время она для нас была большой редкостью.

Вечер продолжается, мы расшались, чувствуем себя свободными, много веселья и смеха.

Наконец наступает долгожданный момент – к елке приносят в мешках подарки и дед Мороз с шутками и прибаутками начинает раздавать их. В подарке кулек дешевых конфет, пачка печенья, две шоколадные конфетки, небольшое яблоко. Нашей радости нет конца. Подарки несем домой, надо показать их родителям, братьям и сестрам. Елочные подарки мы получали все годы учебы в школе, даже в военные годы, и никто не задавался вопросом за счет каких средств они идут.

Эта первая елка на всю жизнь осталась в моей памяти как самая красивая, самая веселая и интересная. В школе я подружился со многими ребятами нашего поселка. Тогда, и впоследствии, мне казалось, что это были самые лучшие ребята на свете. Особенно я любил Еньку Возжаева. Он был немного старше меня, очень бойкий, физически развитый и на редкость во всем способный. Умел хорошо рисовать, если брался что-либо делать своими руками, например строгать, лепить, клеить, у него всегда это хорошо получалось. В играх всегда выходил победителем. Когда стал постарше, то отлично ходил на лыжах, плавал, играл в футбол. Хотя и был старше меня на два года, но относился ко мне как к равному и при случае вставал на мою защиту. Вот и кончилась зима, с наступлением теплых солнечных дней на переменах мы выходим из классов, садимся на солнечной стороне на завалинку и ведем свои бесконечные ребячьи разговоры или просто резвимся на пустыре около школы.

Быстро пролетели четыре года. За четвертый класс сдаем экзамены и осенью я иду учиться в пятый класс семилетней школы на Красный Урал. В последствии эта школа стала средней. Здесь новые условия, появились новые друзья и много новых учителей.

С переходом в другую школу круто меняется и наша жизнь, Мы становимся взрослее из детей превращаемся в подростков. Особенно большие изменения произошли в нашей семье, так как после смерти нашей мамы, 12 апреля 1936 года, у нас все пошло наперекосяк, мы по-настоящему поняли, что такое нужда, голод и холод.

ро парня, с которым у меня была стычка в клубе на Красном Урале, я забыл. Прошло несколько лет, я уже ходил в школу и полгода как записался в библиотеку в том же клубе. Однажды, после обмена книги, вышел из клуба и среди домов лицом к лицу столкнулся с двумя парнями. В одном из них я узнал знакомого.

Он заметно подрос и на полголовы был выше меня ростом.

—А, кулацкий сынок! Артист засранный!

Ехидно говорит он и хватает меня за грудки. У меня трещит рубашка, отлетают пуговицы. Это меня пугает больше, чем страх быть побитым, так как рубашка при нашей бедности вещь дорогая. Книга из рук выпала на пыльную дорогу.

Я с силой отталкиваю парня в грудь, он не ожидая отпора, падает назад себя, больно ударившись спиной о камни, но быстро вскакивает и с силой бьет меня кулаком по лицу, в грудь, в живот. Из носа выступила кровь.

Наверное он меня бы сильно побил, но драку остановил проходящий мимо мужчина. Он схватил парня за руку, а я, подобрав книжку, через плотину кинулся в сторону своего поселка.

В таком виде на улице меня встретил Ванька Шихов, парень очень бойкий и смелый, он на 2–3 года старше меня. Ванька сразу понял в чем дело.

Уральские ребята в первые годы на своих улицах частенько подкарауливали наших и обижали.

—Уральские побили? — спросил он.

Я рассказал Ваньке историю наших отношений с тем мордастым парнем.

- Надо уметь защищать себя, а то все будут колотить тебя.

- Но он же старше и сильнее меня.

- Это ничего не значит. Вот смотри первый прием. Стаешь боком к противнику, хватаешь его за грудки, дергаешь на себя и в то же время головой бьешь его по лицу. Прием называется «на калгана».

Ванька продемонстрировал все это наглядно. Заставил повторить это меня на себе.

—А еще бей кулаком под дых, вот сюда. И тоже показал куда нужно быть.

—Научись драться, тебе не страшны будут не большие, не сильные.

- Тренируйся!

Случай не заставил долго ждать себя. В нашем же верхнем конце поселка живет Артемка Уфимцев, мой одноклассник, ростом повыше и посильнее меня, но парень не из бойких.

Между нами особой вражды не было, но мы недолюбливали друг друга и наши встречи иногда заканчивались небольшими потасовками.

Вот и сегодня я иду по тротуару в магазин за хлебом. У своего дома на тротуаре стоит Артемка. Его обойти, конечно, можно, но гордость не позволяет мне это сделать и я иду прямо на него.

—Куда прешь? — кричит он и отталкивает меня рукой. И тут я вспомнил про урок, данный мне Ванькой Шиховым. Разворачиваюсь боком, с силой дергаю Артемку на себя и головой бью его по лицу. Чувствую как моя макушка ударяет ему по носу и по губам.

Все это произошло так быстро и неожиданно, особенно для Артемки. Он как подкошенный падает на землю, из носа бежит кровь. От боли и обиды парень громко ревет. Из дому выбегает его мать, а мне ничего не остается делать как спасаться бегством.

Самая большая драка с уральскими ребятами произошла года через четыре после того мы прожили на поселке.

Население Красного Урала к выселенцам в первый момент относилось настороженно, а дети и подростки вообще враждебно. Появилась частушка:

—Эх яблочко, с боку зелено.

С выселенцами гулять нам не велено.

Население близлежащих поселков старалось избегать выселенцев. Люди, не зная всей правды, считали нас эксплуататорами, врагами. Взрослые очень скоро поняли, что заблуждаются, но среди подростков не редко возникали драки. наших подкарауливали когда они шли в магазин, на почту, в аптеку и другие общественные места. После уроков у дверей школы-семилетки наших ребят и девчат встречала толпа пацанов и более взрослых ребят. В адрес белогорских школьников сыпались оскорбления, летели снежки, а то и палки или камни. Директор школы вынуждена была на улице после уроков установить дежурство учителей и комсомольских активистов. Тогда по согласию обеих сторон решено было дать бой в выходной день между нашими поселками, около кладбища, на отвалах старых старательских работ.

Был конец мая, ярко светило солнце, земля и деревья покрылись зеленью. Все это подогревало боевой дух обеих сторон. Наши ребята к предстоящей драке готовятся серьезно. Из фанеры делают щитки, рогатки, группами бурно обсуждают предстоящее событие. Я учусь еще в начальной школе у себя на поселке, поэтому участие в этом деле не принимаю.

Таких как я ребята к себе не подпускают, хотя мы и стараемся быть в курсе всех событий. Знаем, что уральские к драке тоже готовятся. И вот этот день настал. Наскоро перекусив, я помчался в нижний конец поселка, где и должно начаться сражение. наших набралось человек 25 не считая мелюзги. Собрались не только любители подраться, были и такие как серьезный рассудительный Шура Крашенинников, участник всех событий на поселке Ванька Шихов, Толька Галимзянов, Ванька Трапезников и даже круглый отличник Петя Потеряев. Командиром единодушно был признан Шура Крашенинников, его на поселке уважали и любили. Нам, малышам, за ограду выходить было запрещено.

Разведчики доложили, что стороны Урала движется большая толпа ребят.

- Их много! Больше чем нас! – испуганно говорили те, кто ходил в разведку.

- Ничего, не трусь, ребята! Главное действовать смело и дружно! – подбадривал Шура. Из-за поворота, метров за 300-400 появились противники. Впереди высокий парень в красной рубаше.

–Мишка командует, – промолвил кто-то.

Те остановились, Мишка отдавал своим какие-то команды, размахивая руками и те стали перестраиваться в одну линию. В центре собрались наиболее сильные и крепкие ребята. У многих на левой руке надеты новые фанерные щитки.

–Ишь ты, спартаковцы да и только! – заметил Ванька Шихов.

Наши медленно, с остановками, двинулись навстречу.

. Метрах в пятидесяти друг от друга обе стороны остановились. Силы были явно не равные, но за спиной наших был свой, родной поселок и было большое желание отомстить за те обиды, которые они постоянно терпели от уральских, поэтому держались довольно смело и дружно.

Началась словесная перепалка:

- Выселенцы! Подкулачники! – кричали уральские.

- Кошкодеры! Шпана старательская! – отвечали наши.

- Белогвардейские прихвостни! – не унимались те. Но это уж совсем обидно было слышать.

- А вы пьяницы и бездельники!

Кричать надоело, с той и другой стороны полетели камни, благо их под ногами было много. Расстояние постепенно стало сокращаться. Камни начали стучать по щитам, кое-где начали вскрикивать и ойкать, появились первые шишки.

И вот, побросав щиты и рогатки, «бойцы» кинулись друг на друга. Началась самая настоящая рукопашная схватка. Тут и там парами, по трое и четверо катались, громко сопя и матерно ругаясь, ребята угощали друг друга тумачами.зубов. Преимущество явно было на стороне уральских и наши дрогнули. Шура Крашенинников крикнул:

–Ребята, отходим!

Выселенцы сбились в кучу и, отбиваясь, начали отходить, потом побежали.

Уральские с криками ура кинулись следом. Наши забежали за изгородь и остановились. От домов на выручку бежали ребята постарше. Противники остановились, дальше преследовать было опасно, да и боевой пыл пропал.

На этом и разошлись.

Постепенно выселенцев оставили в покое, а многие вскоре, учась в одном классе, подружились. Бывали иногда редкие стычки, но уже не по злобе, а так по разным пустякам.

Долгое время враждовали с ребятами из Сухого лога, там жило несколько старательских семей, у них было много ребят нашего возраста и они частенько подкарауливали нас поодиночке на Урале.

Немного отвела жизнь счастливых дней парням обеих враждующих сторон. Война свела их в одни окопы. Погибли наши любимцы Шура Крашенинников и Иван Шихов. Раненым вернулся лейтенант Михаил Чайко и умер раньше времени. Больше половины ребят не вернулось с фронта или пришли калеками. Это было физически и морально здоровое поколение, преданное своей Родине, независимо от их социального положения. Не посрамили своих и белогорские ребята. Те, кто вернулся, имели немало правительственных наград, были среди них и офицеры, как, например, два брата Возжаевых и Виктор Нецветаев.

Похищение красного флага

На кладбище хоронят большого начальника – бывшего командира Красной армии, большевика с дореволюционным стажем.

Мы узнали о похоронах и с Мишкой Ибрагимовым бежим туда. Духовой оркестр играет траурные марши, вокруг могилы много людей, один за другим выступают ораторы, прогремел залп из винтовок. Временно, вместо памятника, в могилу воткнули большой красный флаг. Ярко-красное полотнище слегка колыхается на ветру, привлекая всеобщее внимание. Его видно издалека.

В те годы много вводилось нового, революционного, а старые буржуазные обряды отбрасывались. Например давали новые имена: Вилен, Октябрина, Революция и другие. Так, по-видимому решили и здесь. Умер большевик, красный командир, значит надо установить красное знамя.

На второй день родственники и друзья пришли на кладбище, чтобы поправить могилу и почтить память усопшего, но к своему удивлению не нашли на могиле красного флага. Кто-то ночью снял его. Древо правда обнаружили недалеко в кустах, но само полотнище исчезло.

Начальство расценило это как контрреволюционная выходка врагов народа и началось расследование.

Встал вопрос: «Кто мог это сделать?»

Подозрение сразу пало на раскулаченных выселенцев.

— Это они решили отомстить красному командиру.

На Белогорском поселке появились два чекиста в гражданской форме. Они ходили по домам что-то расспрашивали, приглядывались, но преступника не нашли, а вечером он появился сам. На улицу, красуясь ярко-красной юбкой, вышла Анька-дурочка. Девка лет 25 от рождения глупая. На поселке говорили, что «у нее не все дома».

Аньку увели в комендатуру. Там она призналась, что флаг поздно вечером сняла сама. За ночь и утром изрезала его и сшила себе юбку, так как носить ей было нечего, а материал очень понравился. Анька жила вдвоем с престарелой матерью, был еще старший брат, но его после выселения арестовали и увезли.

Швея из нее получилась никудышная, юбка торчала колом, зато была новая, яркая и Аньку было видно за версту, но счастье длилось недолго. Юбку забрали, а домой дурочка прибежала в старой рубашке.

Привлекать к ответственности Аньку было бесполезно, что с нее возьмешь? Больше на могилах флаги не ставили.

Наши друзья

Впервые с Ванькой Шиховым я встретился у водокачки на нижней улице поселка. Там была обледенелая горка, малыши с нее часто ходили кататься зимой на самодельных санках или просто на доске.

Был хороший зимний день, ярко светило солнце. Я зашел к Мишке Ибрагимову, но его побегать на улице не отпустили, пришлось на горку идти одному, хотя и побаивался драчливых ребят с нижней улицы. Они у водокачки ве-

дут себя по-хозяйски. Скатился пару раз и не заметил как подошли двое. Один ростом с меня или чуть повыше, второй вообще года на 3 старше меня, ему лет 10.

Младший, чувствуя преимущество, настраивается подражаться или попросту поколотить меня, но старший парень не дал и миролюбиво спросил:

–Чей ты? Как зовут? Где живешь?

Тогда мы еще плохо знали друг друга, поселок большой, люди съехались сюда сравнительно недавно, познакомиться не успели.

Я ответил как меня зовут и указал рукой в сторону своего дома.

- А я Ванька Шихов, это Петька Постников. – указал он на второго.

- А я знаю тебя! – обрадованно говорю Ваньке. – Мне Дуся читала книжку про тебя.

- Какая Дуся и какая книжка? Что ты мелешь! – Удивился он.

- Дуся это моя сестра старшая. Она книжку читала мне, как ты письмо в деревню дедушке писал. Тебя там еще поколотили за то, что рыбу чистить не умеешь!

Ванька громко захохотал.

–Ну ты даешь. Там же написано про Ваньку Жукова, а я Ванька Шихов и не сирота я совсем.

С этого и началось наше знакомство, я тянулся к этому парню, а он не отталкивал меня и вскоре мы подружились, несмотря на разницу в возрасте, у него вообще много было друзей и просто знакомых ребят. Он мастер был на разные выдумки, умел рассказывать всякие истории, и всегда был в центре внимания.

Ванька любил лес, хорошо лазил на деревья. Особенно это было кстати, когда мы шли за шишками. Поблизости больших кедровых лесов не было, но отдельные кедры в лесу, особенно на склонах Белой горы, встречались.

За шишками мы с братом начинали ходить как только в них появлялись еще молочные не спелые орехи. Толя залезал на кедр, палкой сбивал смолистые, липучие шишки, их варили или обжигали на костре, чтобы удалить серу и ели орехи с тонкой, еще нежной кожурой. Руки и губы наши были тогда черные от приставшей серы и грязи.

В конце августа – начале сентября орехи поспевают, шишка становится сухой и легкой, хорошо сбивалась палкой с дерева, а после дождя и ветра сама падала на землю, но поблизости их уже не было, за шишками надо было идти далеко в лес, да и там трудно найти, так как желающих полакомиться свежими орехами всегда было много и шишки выбивали еще не созревшими.

Середина августа, стоят теплые, солнечные дни уходящего лета. Ванька предлагает пойти с ним за шишками, я с радостью, конечно, соглашаюсь. Нас собралось четыре человека. Ванька ведет к кедром, которые известны только ему.

Шли часа два, сначала через знакомые покосы и горки, затем вошли в густой хвойный лес, куда солнце через густые кроны елей и пихт проникало едва, ноги утопают во мху, часто попадают черные лужицы воды, кругом много поваленных буреломом старых деревьев, их приходится далеко обходить или перелазить через сучковатые деревья. От напряжения и усталости я взмок, но стараюсь не показывать вида, чтобы ребята не посчитали слабаком.

В лесу сумрачно, тихо, не слышно ни одной птички, только полосатый бурундучок промчался вверх по дереву, да, увидев людей, затрещала кедровка. Эта птица нахальная, если человек лезет на кедр, она обязательно прилетит на это же дерево. Местность угрюмая, неуютная и нам немного жутковато, но нас много и вскоре свыкаемся с обстановкой.

Наконец вышли на небольшое открытое место в лесу. Недалеко друг от друга стоят три довольно крупных кедра. Обошли их кругом:

–Штук по сто – сто пятьдесят на каждом кедре будет, – говорит Ванька. – И шишка крупная.

Мы, рады, нас четверо, значит домой не с пустыми руками придем. Такой улов не часто бывает.

Ванька ловко залезает на одно дерево и длинной палкой-погонком начинает сбивать шишки. Они уже спелые и сбиваются без особого труда, шурша по веткам падают по одной, а то и по несколько штук враз на землю, собираем их в одну кучу, потом разделим поровну.

Вдруг Петька испуганно крикнул:

–Вань! У тебя над головой, на самой вершине какая-то кошка сидит, она смотрит на тебя.

Ваньку как ветром сдуло, быстро спускается вниз, часто поглядывая кверху.

–Это рысь! – крикнул он, прыгнув на землю. Мы начинаем громко кричать, бить

палками по стволу кедра, кидать в зверя камнями. Об этом хищнике давно наслышаны, хотя никто из нас его не разу не видел. Взрослые иногда рассказывали о нападении рыси на людей, о том что она однажды загрызла женщину с Красного Урала, когда та шла с покоса, были и другие разговоры, но эти случаи, по-видимому, часто приукрашивались, хотя доля правды и была в них.

Рысь испугавшись шума, прыгая с дерева на дерево, скрылась в лесу, мы же с любопытством наблюдали за ее гибким телом и ловкими длинными прыжками. Немного подождали, тщательно осмотрели вершины ближайших деревьев и Ванька снова полез на кедр.

С двух других, более низких деревьев, шишки сбили другие ребята. Домой вернулись с хорошей добычей и возбужденные от встречи с опасным зверем, а также от длительной прогулки в лес.

. Осенью 1942 года Ивана Шихова и еще несколько парней, его одноклассников, взяли в армию.

Я пошел проводить его. У дома собрались соседи, мать плачет. Иван увидел меня, подошел, подал руку.

- Ну прощай, Костя! Едва-ли увидимся еще!

- Ну что ты, Ваня. Вот победите фашистов и ты вернешься домой, – робко отвечаю я. Прав оказался

Иван. Не увиделись мы с ним больше никогда. Весной на него пришла похоронка.

Только Галимзянов, татарин, года на два старше меня, бойкий, способный на разные выдумки парень.

Семья у Галимзяновых небольшая, но как и все на поселке, живут бедно, поэтому приходится иногда думать чем бы разжиться.

Шел 1935 год, зима. Мы часто от нечего делать, посещаем магазин или просто толкаемся около него. Там, не смотря на бедность витрин, есть пряники, конфеты, то есть то, что нас больше всего интересует, но нет денег, чтобы купить хотя бы сто грамм дешевых конфет.

Родители редко балуют нас сладостями, даже сахар покупают не более 200 грамм за один раз. Он комковатый, в то время сахарный песок не продавался.

Сахар вечером родители кололи специальными щипчиками на мелкие части и давали каждому из нас по маленькому кусочку и было это далеко не каждый день. Вот и сегодня вечером я зашел в магазин. Здесь тепло, людей немного, в основном женщины. Места в магазине за прилавками мало, поэтому мешки с крупой, мукой и сахаром стоят прямо в проходе у дверей, недалеко от прилавка, на виду у продавца.

В магазин зашел Только Галимзянов. Вместе осмотрели полки, витрину с мелкоштучным товаром.

- Сахару хочешь? – спросил он.

- Хочу, – ответил я, еще не понимая к чему он клонит.

- Пошли к дверям. Загороди меня от людей. Если увидишь, что-либо подозрительное кашляни легонько.

Я встал лицом к прилавку, у которого стояло несколько человек покупателей, все они заняты разговорами или просто следили за работой продавца. К нам стояли спиной, загораживая обзор продавцу, ему некогда было смотреть по сторонам. Только достал перочинный ножик и я услышал как за моей спиной тихонько затрещала разрезаемая ткань мешка, а потом зашуршали куски сахара.

– Пошли, – шепнул он и мы вышли не спеша из магазина.

Карманы старенького полушубка у Галимзянова были наполнены сахаром. Три крупных куска он дал мне, а на прощанье предупредил:

- Смотри, никому ни слова! – и мы расстались.

- Что делать с сахаром? – подумал я. Никогда еще я не имел в наличии столько сладкого. Домой его нести нельзя, это сразу ясно было. Родители всегда нас предупреждали не трогать чужого, а тут я неожиданно оказался если и не вором, то его сообщником. Я просто не посмел отказать в просьбе Только Галимзянову, предводителю многих наших детских затей. Все случилось так неожиданно и быстро, что я ладом и не успел подумать, что же я натворил.

Была зима, на улице уже темно. Я начал грызть и сосать один кусок. Второй осилил уже с большим трудом. Во рту все связало чем-то липким и сладким, хотелось пить. Третий кусок есть уже не мог, он мне просто опротивел. Нести его в кармане домой тоже опасно, могут обнаружить. Подумав немного, я решил спрятать его в снег, у электрического столба, недалеко от дома. Вырыл не глубокую ямку и положил туда сахар, присыпал снегом и спокойно отправился домой. На второй день решил взять этот кусок, но кроме собачьих следов и помоченного снизу собакой же столба ничего не нашел. В тот же день на поселке прошел слух, что обокрали магазин, похищено много сахара. Воров не нашли, а мешки с сахаром убрали за прилавком. Прошло несколько месяцев, наступило лето, о краже сахара забыли.

Однажды на улице меня встретил Толька Галимзянов.

– Хочешь я тебе свой складень подарю? – спросил он.

Иметь складной ножичек – мечта любого пацана. Такое желание давно было и у меня. Не многие из моих сверстников и ребят постарше имели складные ножички. Носили их обычно на шнурке, а некоторые даже на мелкой цепочке, чтобы не потерять. Толькин ножик я знал хорошо. Он не раз давал мне его подержать в руках или что-либо построгать.

– А ты не врешь? – робко спросил я.

Меня удивило такое предложение. С чего это он вдруг решил сделать мне такой подарок?

– Нет, но ты должен мне помочь проверить одно дельце.

– Какое?

– В магазине, на витрине под стеклом, видел складень лежит?

– Видел.

Складень этот знали все ребята. Он давно привлекал наше внимание своим размером и красотой. Такого ножика не было ни у кого. Большой с четырьмя приборами и с очень красивой отделкой ручки. Стоил он дорого и нашему брату был не по карману.

– Приходи под вечер в магазин, когда людей за продуктами соберется побольше и продавец будет занят у другого прилавка.

В назначенное время я был у магазина. Вскоре появился Толька. Картина обычная, несколько человек толпилось у продуктового прилавка, загораживая продавца. Отдел промтоваров на другой стороне, за печкой. Витрина представляла из себя большой низкий ящик со стеклянной крышкой. Я загораживаю Галимзянова, а он, просунув лезвие своего ножичка в щель под крышку, приподнимает ее, левой рукой поддерживает, а правой, засунув ее внутрь, берет ножик.

Операция длилась несколько секунд и закончилась удачно. У меня от волнения на спине взмокла рубашка, а Толька спокоен.

– Я дома на своем сундуке потренировался. Ловкость рук и никакого мошенства, – весело говорит он.

Сидя на завалинке у его дома, долго разглядываем ножик. Тут два лезвия: большое и маленькое, ими любую вещь выстрогать можно; кроме того штопор и шило. Толька отвязывает свой ножик и отдает мне.

– На, уговор дороже денег. Если кто спросит, говори, что я тебе его просто поносить дал.

Отсутствие ножика на витрине продавщица заметила не скоро.

– Почему-то взяли один ножик? Там лежат вещи и подороже. – Рассказывала она женщинам.

Витрину стали закрывать на замок. Толька свой ножик почти год не показывал никому, а потом объявил, что скопил денег и купил в Тагиле. После смерти мамы, когда наша квартира превратилась в место сбора ребят, Толька Галимзянов стал постоянным посетителем у нас. Он дружил с моим братом и ко мне относился как к равному. Его появление всегда вносило оживление, был горазд на всякие выдумки, которые чаще всего не одобрялись взрослыми и, значит, были интересны для нас. Как-то летом, уже во время войны, когда он начал работать на заводе в Нижнем Тагиле, а я жил совсем один (отец редко появлялся дома, а брат Толя тоже работал в Тагиле), Галимзянов приехал на выходной день домой и зашел ко мне, достал из кармана настоящий пистолет и показал мне.

— Где ты его взял? – испуганно спросил я.

— Друзья в Тагиле дали, с фронта привезли. А я его взял, чтобы Пашку пристрелить. Он здорово подвел меня. Я пригласил его в лес, шел сзади, но выстрелить не мог, пожалел.

Я взял в руки пистолет ТТ, он был тяжелый, вытянутой рукой не мог держать. Толька показал как целиться и как нажимать на курок.

Уходя через год в армию, Толька попросил меня писать ему письма:

– Один ты из друзей тут остаешься. Пиши подробно как тут живут, кто с кем дружит, а тебе буду писать как мы воюем.

Но он ни одного письма не написал, адрес не выслал. Ребят его возраста взяли в армию, на некоторых пришли похорошки, несколько человек пришли калеками. Другие разъехались кто-куда, да и я вскоре из поселка уехал, а осенью 44 года меня тоже взяли в армию, так что мы с ним больше никогда не встретились.

После увольнения из армии, в 1951 году, я заехал на Белогорский поселок и узнал, что Толька Галимзянов остался жив, устроился на работу и живет где-то около Перми.

12 марта 1936 года мама умерла, в 38 году сестра уехала учиться в Оханский учительский техникум, мы с братом остались безнадзорными, и нашим домом, в основном, стала улица.

Поселок большой, растянулся на сотню метров. Я не люблю сидеть дома и, наскоро выполнив домашнее задание, бегу на улицу. Здесь у меня все больше и больше стало появляться знакомых и друзей. Брат старше меня и чаще всего на улице я с ним и его друзьями, которые старше меня.

Радио и газет в наших домах нет, книги и кино тоже редкость, в квартире голые стены. Меня зимой и летом, как магнитом, тянет на улицу, где всегда есть возможность более интересно провести время.

С Иваном Трапезниковым устраиваем «телефон», от его дома до нашего тянем по столбам нитки, их берем тайком от родителей дома. Вращаешь тюричок, а скрип отдается на другом конце на расстоянии 50–60 метров. Скрип скрип, значит спрашивают – как слышишь? Скрипнул три раза, значит слышу хорошо, Летом с Ванькой пропадаем в лесу, идем на Белую гору или ловим на Мартьяне пискарей. Дед у него столяр, в ихней квартире зимой горы стружек, доски, столярный инструмент, летом дед работает на улице. Он знает много разных историй, и мы с интересом его слушаем. Зимой он нам выстрогал из осины лыжи, концы распарил в печи и загнул. На этих досках-лыжах мы катаемся с нижнего склона Белой горы.

Однажды Ванька уговорил деда, чтобы он помог ему сделать аэросани. Мы каждый день ходим к ним домой и наблюдаем, как продвигается дело. Наконец сани готовы. Одна широкая короткая лыжина впереди, ее можно поворачивать вправо и влево. Две такие же по бокам. Сверху сиденье в виде скамеечки и подставка для ног.

В ясный солнечный день идем на гору испытывать Ванькино изобретение. Участок горы выбрали повыше и покруче.

– Прокатимся с ветерком! – говорит Ванька.

Оттолкнулись, сперва наши аэросани идут тихо, помогаем разгон набрать палками. Но вот они пошли все быстрее и быстрее, мы от радости хохочем, кричим на весь лес. Вдруг справа что-то хрустнуло, сани резко делают крутой поворот и мы кубарем летим в снег. Выбрались из снега. Правая лыжа оказалось налетела на большой, припорошенный снегом, камень, она превратилась в обломки доски, передняя и левая разлетелись в разные стороны, а наше сиденье одним краем застряло в снегу. Снег глубокий и сами мы отделались легкими ушибами. Новые аэросани делать не стали, лыжи надежнее. Я с 6–7 лет на всю жизнь, до старости, полюбил этот замечательный вид спорта и запомнил свои первые самодельные осиновые лыжи с двумя сучковатыми кривыми палками.

Летом распространенная игра в чижик и шарик. Позднее когда подросли, узнали и полюбили городки. Все наши игры сопровождалось шумом, криками, спором, а иногда и потасовками. И тогда вмешиваются взрослые. Каждая мама старается защитить свое чадо. Играют не только мальчишки, но и девчонки.

Каждая игра собирает ребят со всех соседних домов, которые не отгорожены друг от друга заборами и в каждом доме детей по несколько человек разных возрастов. Игра на деньги в чику азартная. Обычно собираемся в укромном месте, на ровной твердой площадке проведена черта, в центре стопка медяков, от копейки до пятака, а иногда и серебрушки. Все они решкой кверху. Ставка по договоренности 2–3 копейки, но проиграться можно быстро.

Позднее с 1937–38 годов, летом, целыми днями стали играть в футбол. За поселком выбрали небольшую поляну, вместо ворот вбили по два колышка. Настоящего футбольного мяча нет, поэтому пинаем резиновый мячик, а в первое время вообще мяч был тряпичный, но его хватало на одну игру, к концу дня оставались только лохмотья от тряпок. Мы, отбивая свои и чужие ноги, до поту, до усталости гоняем мяч от ворот до ворот. По лесу далеко раздаются наши крики. В этой игре особенно отличался тот же Енька Возжаев. Он ловко обводил нападающих, а когда приобрели старенький волейбольный мяч, он легко научился играть головой. После войны, уже будучи офицером, Евгений Возжаев играл в сборной футбольной команде воинской части оккупационных войск в Германии.

В 30-е годы в стране бурно началось развитие спорта. Он стал поистине массовым. О спорте говорили по радио, писали в газетах, им усиленно занимались на местах.

В рабочих поселках и на предприятиях строились спортивные площадки и стадионы, повсюду сдавались нормы на значок ГТО. На Красном Урале построили приличный стадион с футбольным полем, волейбольной площадкой, беговой дорожкой и другими площадками и оборудованием для проведения спортивных игр и соревнований.

Стадион был обнесен прочным забором и вход на футбольные матчи между предприятиями и крупными населенными пунктами был по билетам, так как желающих попасть на него было так много, что не хватало мест на трибунах. Нам хочется посмотреть настоящую игру в футбол, но нет денег, и мы лезем через забор. Зимой как только выпал снег сотни людей становились на лыжи. Почти каждый выходной на Красном Урале проходят лыжные соревнова-

ния. Я часто принимаю в них участие.

Сенокос

На прииске свыше 200 лошадей. В тридцатые годы только что стали появляться малосильные автомобили и трактора и почти всю работу по перевозке грузов, продовольствия и людей выполняет конная тяга, кроме того за каждым начальником драги и гидравлики, а также за главными специалистами управления прииска закреплена лошадь.

Для содержания их на окраине Красного Урала имеется большой конный двор с длинными конюшнями, конторой, складскими помещениями и сараями. Для лошадей, кроме овса, требуется большое количество сена. Для его заготовки каждый год, в июле месяце, выделяется рабочая сила со всех цехов, человек сто. В этом году с Белогорского поселка едет бригада в количестве 25 человек, в том числе и мои родители. Нынче они решили взять с собой и меня. "Пусть отдохнет на свежем воздухе и нам веселее", – говорит мама. А я рад, что буду жить на покосе, прямо в лесу.

Ранним солнечным утром на конном дворе и около него собралось много людей. Некоторые едут целыми семьями. Кругом шум и толкотня. Кто-то кричит, кто-то ругается, кого-то ищут, что-то требуют, доказывают друг другу. На дворе ржут кони, мечутся жеребята, Родители меня оставили у забора, где посвободнее, а сами ушли узнать, что и как? Здесь люди собрались всех возрастов. Старики и пожилые мужики молча, серьезно проверяют повозки и упряжь, осматривают копыта у лошадей, смазывают ступицы осей для колес, много людей среднего возраста и молодежи. Последние держатся группами, слышен смех, взвизгивают девчата, к ним пристают парни. Настроение у всех приподнятое. На работу люди едут как на праздник.

Подготовкой к отъезду руководит пожилой, степенный мужчина – начальник конного двора, Иван Васильевич. Вокруг него непрерывно толпятся люди, подходят что-то спрашивают, а он деловито отдает распоряжения куда и что грузить, какую лошадь можно запрягать, а какую оставить, объясняет бригадирам порядок движения, это оказывается тоже очень важно. Все это он делает спокойно, не спеша, и все его слушаются, беспрекословно выполняют его указания. Кроме людей надо перевезти большое количество инвентаря, инструмента, продуктов для ларька и прочей мелочи, без которой на покосе не обойтись.

Наконец все готово. Солнце уже поднялось и начинает припекать. Люди рассаживаются на телеги. Мы оказались почти в центре обоза, впереди и сзади много подвод. На улицах Красного Урала нас провожают жители. Событие не маловажное, у многих кто-то родной или знакомый едет на покос, многие вышли из домов ради любопытства, такое бывает не часто, когда мимо домов идут и идут подводы, а на них веселые улыбающиеся люди, слышны шутки, напутствия, реплики, женщины машут платками. Выезжаем за поселок, дорога идет через лес с частыми полянами, ложками и оврагами. В лесу хорошо, свежо и еще прохладно, в кустах порхают птички, щебечут что-то на своем языке. Мне все интересно. Вот на поляну выскочил заяц, на него засвистели, залюлюкали. Зайчишка с перепугу не знает куда деться, но опомнился и сиганул в кусты. А вон по стволу упавшей сосны бежит полосатый бурундучок, поднял свою мордочку, удивленно посмотрел на необычное движение на дороге и юркнул за дерево. Недалеко от нас звонкий девичий голос запел:

- Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка темная была...

И сразу десятки голосов подхватили:

- Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра.

Песня разливалась по лесу и по логам. Пели все: мои родители, соседи на нашей и на других подводах, даже дядя Степан, наш бригадир, мужик деловой и серьезный подпевал вполголоса.

Только закончили одну песню, как зазвучала другая:

- На Муромской дорожке стояли три сосны, Прощался со мной милый до будущей весны.

Песни сменяются одна за другой. И снова повсюду смех и шутки, особенно на повозках, где едут молодые парни и девчата. Откуда-то появилась гармошка, ее музыка слышна далеко. Люди забыли все свои заботы и мелкие обиды. Два часа в дороге прошли незаметно. Покосов много и в лесу они разбросаны на большой территории. Нашей бригаде отведен один из отдаленных участков. Здесь, на опушке леса, срублен барак, разделенный на две половины: для мужчин и женщин. В бараке нары из жердей, покрытые толстым слоем веток и сена. Семейные изготовили каждый для себя шалаш. Наш хотя и маленький, но уютный. На земле постлан толстый слой веток и сена. Спать мягко, пахнет

чем-то приятным. Все это для меня ново и интересно. Рядом с баракком большая плита на камнях — очаг для приготовления пищи. Тут-же длинный стол со скамейками.

Вся наша бригада состоит из выселенцев, бывших крестьян, людей серьезных и трудолюбивых.

На второй день я проснулся рано, но взрослых на стане уже нет. За перелеском слышны голоса. Я бегу туда и останавливаюсь на опушке леса. Передо мной картина, которую я запомнил надолго. На большом покосе один за другим, на равном расстоянии друг от друга, взмахивая косами, шаг за шагом продвигается большая группа косарей. Впереди дядя Степан, за ним человек 15 мужиков. Часть мужчин и женщин по кромке покоса обкашивают отдельные кусты и поляны.

Я загляделся на основную группу, где находится и мой отец. Взмах рукой и вжик-вжик поет коса! Снова взмах и снова вжик-вжик! Высокая, сочная, еще мокрая от росы трава рядами ложится на землю. Степан остановился и все встали. Достали оселки, поточили литовки и снова, шурша падает трава на землю.

—Перекур! — скомандовал бригадир и люди перебрасываясь шутками и деловыми замечаниями расселись под кустами. Мужики закурили, женщины жадно пьют воду, платками вытирают запотевшие лица, а молодые парни и девчата снова сбились в кучу, громко хохочут, их и усталость не берет.

Мама прижала меня к себе, гладит по головке, шепчет что-то на ухо. Всем хорошо и мне хорошо.

Покос до обеда выкошен. Верхом на лошади подъехал Иван Васильевич. Он доволен работой, всех благодарит за ударный труд. Родители на косьбу уходят чуть свет, пока роса не высохла, по ней косить легко и комары не донимают. Днем часа два отдыхают и после обеда идут ворочать и грести готовое сено, возить копны, метать его в большие зароды. Они почти ежедневно растут и растут. Погода хорошая и результаты труда налицо. Нас, детей, на стане несколько человек. Проснувшись и наскоро перекусив, идем за грибами и ягодами. Их здесь много. Набираем по корзинке обабков, красноголовиков, белых грибов, попадают и грузди, и рыжики. На угорах в траве растет крупная, сочная земляника, в лесу черника, вдоль ручья кусты красной смородины, а чуть позднее пошла малина. Все это вечером выставляем на общий стол, люди здесь многим делятся друг с другом, хотя обеды готовят каждый сам для себя. Наши ягоды люди берут по горсточке и кладут в чай, хвалят нас, в шутку называя кормильцами. Нам это очень приятно слушать. Вечером на бригадном стане весело. Молодые затевают игры, поют песни, а то и танцуют под балалайку. Труд на покосе тяжелый, но молодость берет свое. У пожилых свои разговоры, рассказывают разные истории из бывшей деревенской жизни, или из времен Первой мировой войны, многие прошли ее. О политике не говорят, хотя кругом все свои, но лучше промолчать, да и не разобрались еще как следует, что хорошо, и что плохо. Вечером, до темноты, я с ребятами бегу на центральный стан, где расположена контора начальника конного двора, ларек и разные постройки. У конторы доска показателей, на ней ежедневно отмечают результаты работы бригад. В отдельной графе, рядом с процентами рисунок: против лучшей бригады самолет; похуже — автомобиль; дальше верблюд, а против бригады не выполнившей нормы — черепаха, а то и улитка.

Вечером у доски всегда толпятся люди, здесь смех и грех.

—Кто это верхом на черепахе? Не ты ли Паша?— кричит молоденькая девчонка.

Молодой парень, плюнув в сердцах, под громкий смех присутствующих, уходит.

—Сейчас он даст разгона своим, — замечает кто-то. — Завтра смотрите, затемно выйдут на работу!

Мне жалко этого Пашу. Опозорили парня.

Придя на свой стан, подробно рассказываем обо всем, что увидим и услышим. Взрослые слушают внимательно и посмеиваются над неудачниками. В нашей бригаде народ дисциплинированный, привычный к такой работе. Без спроса никто не сходит домой на выходной день. Все это делается организованно, чтобы работа не страдала. Люди понимают, что хорошую погоду надо использовать полностью.

Но все нам начинает надоедать, манит домой, на поселок, где остались друзья и свои детские заботы и дела. Через пару недель, по прямушке, через лес отправляемся домой. После смерти мамы отец один ездил на покос и каждый раз на том же месте ставит шалаш. Мы с братом иногда ходим к нему пешком. Вроде то же место и те же люди, но так весело и уютно, как в первый раз не было. Сказывается отсутствие матери и мы, переночевав 2—3, ночи отправляемся домой.

«Расстрел белогвардейцев»

С наступлением холодов нашим излюбленным местом снова становится поселковый клуб. Сюда приходим вечерами просто так, чтобы провести время, побаловаться. В клубе тепло, чисто, горит яркий электрический свет, работает радио, оно для нас в те годы было редкостью.

Старшие ребята и девчата под клубный патефон или под гармошку затевают танцы, играют в фантики, влюбляются и ссорятся друг с другом, а мы по-своему проводим время, стараемся сильно не шуметь и не натаптывать пол, иначе в клуб пускать не станут. Сегодня собрались у стены, где недавно вывесили карикатуры на белогвардейских генералов: Деникина, Колчака, Юденича, Семенова и других, воевавших в гражданскую войну против Красной армии. Карикатуры нарисованы цветными красками на плотной хорошей бумаге.

Нас четверо: Мишка Зашляпин, Ленька Симанов, Мишка Ибрагимов и я. Зашел разговор, кто и где из этих генералов воевал, кого поймали и кому удалось скрыться.

- Давайте расстреляем их! – предложил Лёнька

-Как?

- А из резинок.

В карманах у нас всегда имеются резинки и набор пулек (загнутые кусочки алюминиевой проволоки).

Предложение принимается единогласно. Генералы распределены поровну, но их девять и мне достается только один – батька Махно. Он в украинской рубашке-косоворотке, в руках гармошка, поет песню, внизу написаны ее слова:

«Последний нынешний денечек

Гуляю с вами я друзья».

Отмерили пять шагов, и стрельба началась. Алюминиевые пульки щелкают по картинкам. Раздаются возгласы наиболее удачливых стрелков:

- Есть, Деникину прямо в глаз всадил!

- А я Мамонтову в живот попал!

- Семенова в правую руку ранил!

Я с первого выстрела попал Махно в голову. Через 15-20 минут от генералов остались только клочья бумаги и тут мы поняли, что совершили преступление, за которое придется отвечать. Потихоньку из клуба разошлись по домам.

На второй день в школе появился разъяренный заведующий клубом – Федя, молодой парень из числа наших же выселенцев, страшно гордившийся своей должностью и ревниво исполнявший свои обязанности. Надо отдать должное, что благодаря ему в клубе всегда была чистота и порядок, постоянно работала художественная самодеятельность, показывали кино и в клубе была даже небольшая библиотека.

«Преступников» Федя вычислил сразу, в клуб ходили в обычные дни одни и те же ребята. И так, мы совершили не просто хулиганский поступок, но и нанесли клубу материальный ущерб. Заведующая школой, Вера Николаевна и Федор повели нас к коменданту поселка, которого мы страшно боялись. Им в то время был Стенин – мужик строгий. Нас поставили в одну шеренгу, я оказался крайним на левом фланге. Стенин вышел в военной форме, на ремне кабура с наганом, что еще больше нагнало на нас страху.

Допрос был короткий:

- Как фамилия, в кого стрелял?

Провинившийся, понурился, отвечал.

- Ну, а ты кого расстреливал? – строго обратился ко мне Стенин.

-Махно, – говорю я, и тут же, не зная почему добавил. – Я ему с первой пули в голову попал!

-Молодец! Снайпером будешь! – ехидно промолвил комендант.

Ребята засмеялись. Никто из присутствующих тогда даже представить не мог, что через 11–12 лет я буду служить в армии на Дальнем востоке и командовать отделением снайперов – лучших стрелков полка и за отличную стрельбу из снайперской винтовки получу высшую для солдата награду в мирное время, - отпуск на родину. Но это будет потом, а сейчас наступил час расплаты.

Комендант с Верой Николаевной и Федей удалились в его кабинет и через некоторое время был вынесен приговор – за каждую испорченную картину виновный должен привезти в клуб воз дров. Возом у нас считались руч-

ные санки, на которых тогда все жители поселка возили из лесу дрова и даже с дальних покосов сено. Это был единственный вид транспорта и он имелся в каждой семье, а заготовка дров для школы, клуба, больницы и комендатуры была для коменданта головной болью, поэтому он часто использовал такой вид наказания к провинившимся.

— Так вот, друзья! За картинки заплачены деньги, хотя там и нарисованы генералы, но за ущерб и за хулиганство надо отвечать, — подумав минутку, уже более весело добавил, — а без суда и следствия даже врагов народа расстреливать нельзя. Так закончил свою речь Стенин. Срок сдачи дров был определен в одну неделю. Спорить бесполезно и обжаловать негде. Комендант на поселке был полновластным хозяином. Дома с каждым из нас разделались по своему.

В выходной день мы с братом с большим трудом в лесу распилили вывороченную с корнем небольшую полусухую осину и привезли к клубу. Федор критически осмотрел наши дрова.

- И эти десять гнилых поленьев называются возом дров!

- Да, — робко ответили мы.

- Ну, ты стрелок, и даешь! Не пойдет, везите еще столько же, но березовых. Тогда засчитаю. Возик действительно был мал, но второй, даже такой же нам осилить будет трудно, дома у нас дров нет, на каждое истопле мы набирали с трудом, подбирали где что валяется, собирали сучья в лесу или так же из лесу везли какую-либо полугнилую валежину.

Мы стали уговаривать Федора отметить, что дрова сданы.

- Нет! — рассердился он и пнул по нашим санкам ногой. Дрова рассыпались.

- Видали. Три полена упало и сани пустые!

— Раз ты заставляешь везти еще, тогда я тебе на сцене в праздник выступать не буду! — крикнул я.

Федя удивленно посмотрел на меня. Такого поворота он не ожидал.

- Как это не будешь? Через неделю Октябрьские праздники, ты участвуешь в пьесе и должен читать стихотворение. Ты что, выступление сорвать решил в школу пожалуюсь!

- А я скажу что захворал. С этими дровами надсадился и простыл. Да, кашляю! — и я для убедительности попытался пару раз кашлянуть.

В клубе я часто выступал и считался в этом деле активистом. Федя явно был обескуражен и не знал, что делать. С одной стороны нельзя сорвать два номера во время праздничного концерта, с другой стороны не хотелось уступить.

Он был парень простой, отходчивый и, подумав, сказал:

— Ладно, складывайте свои дрова в поленницу, а стихотворение выучи ладом и рассказывай его с выражением.

— Выучу, выучу, Федя, расскажу громко и роль в постановке хорошо выучу и не подведу тебя! — бодро пообещал я.

Так и закончился наш подвиг с расстрелом генералов. А выступил на вечере я хорошо. Стихотворение про Клима Ворошилова рассказал громко и с выражением. Клуб до весны остался по-прежнему нашим местом сбора.

Книги

Читать по слогам я научился еще до школы. Сестра и брат приносили домой книжки и я с интересом разглядывал картинки или слушал, когда их читали вслух.

В начальной школе, где я начал учиться, была небольшая библиотека и все, что там было подходящее для моего возраста, я прочитал.

Настоящая библиотека находилась на Красном Урале в клубе.

На воспитательную работу, среди подрастающего поколения, в то время уделялось большое внимание, поэтому заведующим клубом, библиотекарем и другими работниками ставили серьезных людей из числа членов партии или комсомольцев. Специального образования они, как правило, не имели, но работать с людьми, особенно со школьниками, умели.

В тридцатые годы шло повальное обучение грамоте не только детей, но и взрослых, неумеющих читать и пи-

сать. Далеко не у всех жителей имелось радио, а у нас на поселке оно было лишь в клубе и в комендатуре, и люди, получая образование все больше и больше стали тянуться к книгам. Но их не хватало, в продаже вообще было очень мало, поэтому в библиотеках за хорошими умными и интересными книгами записывались в очередь. Книгу выдавали из-за стойки, сам читатель с полки взять ее не мог.

Весной, когда заканчивал второй класс, я решил пойти на Урал и записаться в библиотеку. У стойки толпились школьники. Библиотекарем работал пожилой мужчина, небольшого роста, на носу висели очки. Фамилия его была Зорин, мужик строгий, но обходительный. Я встал в очередь и когда подошел к стойке он спросил:

- Тебе что, мальчик?

- Хочу записаться в библиотеку, – робко промолвил я.

Из нашего класса еще никто не отважился прийти сюда, ростом я был маленький, поэтому боялся получить отказ.

- Да ты читать-то умеешь ли? В школе учишься?

- Да, учусь во втором классе.

- Ну хорошо, что же ты хотел бы взять? Может вот это!

И он начал перечислять давно известные мне детские книжечки: Мойдодыр, Муха-Цекотуха, Доктор Айболит и другие им подобные.

Я после каждого названия отвечал, что это уже читал и жадно смотрел на полки с книгами. Тут я увидел на ближней полке книжку с названием Конек-Горбунок, о которой уже был слышан.

- Вон эту, – говорю я, указывая на книгу.

- Ну это, брат, тебе еще рановато.

Он предложил еще пару книжек, но я упрямо просил Конек-Горбунок.

– Ну смотри, парень, даю только на четыре дня. Не расскажешь ее содержание, больше ничего не получишь.

Тогда был введен такой порядок – школьника, сдающего книгу, могли спросить краткое содержание ее.

Книга Конек-Горбунок с картинками, где нарисованы три мужика в разных позах; кони, в том числе маленький конек с горбом; бояре, царь и прочее и все это в таком смешном виде. Радостный я помчался домой.

Весь вечер, выходной день и еще два вечера, забыв все на свете, я читал и перечитывал эту книгу. Вскоре ее начало и отдельные выдержки выучил наизусть. Книга буквально меня захватила. Через четыре дня понес книгу сдавать. Зорин узнал меня.

- Ну как, прочитал?

- Прочитал.

- Ну расскажи.

И я громко начал:

- За горами, за лесами,

За широкими морями,

Против неба – на земле

Жил старик в одном селе.

У старинушки три сына:

Старший умный был детина,

Средний сын и так и сяк,

Младший вовсе был дурак.

- Хватит, хватит. Молодец! – прерывает меня Иван Федотович,

- Я еще из середины книжки расскажу, – говорю я и не дожидаясь согласия продолжаю:

Свет такой тут засиял,

Что чуть столбик не вскричал,

И от страху так забился,

Что овес с него свалился.

В это время в библиотеку из внутренних дверей зашел заведующий клубом. Остановился и с интересом стал наблюдать как я, размахивая руками с жаром декламирую.

– Довольно, вижу, что книгу ты прочитал внимательно и не один раз, – проговорил Зорин и, обращаясь к заведующему, весело говорит. – Вот какой читатель у меня появился, от горшка два вершка, а читает как взрослый.

С этого момента и до конца пребывания меня на поселке я был постоянным читателем. За этот период сменилось несколько заведующих библиотекой, но в памяти у меня навсегда остался тот первый, на редкость добросовестный служитель книжного мира.

За сравнительно короткий отрезок времени (6 лет) я перечитал почти все что там было подходящее, наиболее интересное для меня. Особенно, как и все мальчишки того времени, я любил книги про войну и про шпионов.

Любимыми писателями для меня были: А. Гайдар, Д. Фурманов, А. Фадеев, А. Серафимович, М. Горький, М. Шолохов, А. Толстой и многие другие. А книгу Н. Островского «Как закалялась сталь» прочитал дважды. Образ Павки Корчагина для моего поколения стал примером доблести и геройства в борьбе за власть народа. Эту книгу бойцы Красной Армии читали в годы Великой Отечественной войны в окопах и очень многие хотели быть похожими на этого героя.

Я в детстве и в молодости с удовольствием читал русских писателей и поэтов прошлого девятнадцатого века: Льва Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Чехова, Тургенева, Островского и других. Нарасхват шли книги Жюль Верна, Дюма, К. Дойля и других зарубежных писателей,

Я читал книги все свободное время. Оно у меня делилось на три части: улица, школа и чтение книг. Мы жили не имея никакого хозяйства, поэтому книга порой заменяла обед и ужин.

Книги, а затем и кино в моей жизни сыграли большую роль. Они не только развлекали в тяжелое голодное время, но и учили как жить. Это они дали мне «Путевку в жизнь».

Кино

Впервые о нем я услышал в 35 году, когда начал учиться в школе. Через год-два об этом заговорили все. Ребята, у которых старшие братья и сестры бывали в больших городах, рассказывали чудеса. Мы слушали, разинув рот, том что на белом полотне можно увидеть, как наяву, движущихся людей, машины, животных, поля, горы и все прочее, что есть на свете.

И вот с группой ребят впервые идем смотреть «Броненосец Потемкин». Кино немое, то есть люди там видно, что разговаривают, а звука нет, разговор записан на экране.

В зале потух свет. Экран засветился и на нем сперва появился текст, который нас не интересовал, затем на палубе большого корабля стали бегать матросы.

—Черви! Черви! — кричат они.

В мясе, которое предназначено для кухни, действительно копошатся черви.

Дальше событие развивается быстро. Я сижу, забыв обо всем на свете, и как будто там, вместе с матросами, бегу с винтовкой наперевес по палубе.

С этого дня все мои мысли и желания направлены на то, как бы сходить в кино.

Вскоре изредка его стали возить и к нам, на Белогорский поселок, аппарат ставят на высокий стол в конце зала. Свет гаснет и он начинает трещать, посылая над головами зрителей загадочный луч света.

На Красном Урале кино кажут раз, а то и два раза в неделю, так что теперь его можно смотреть часто, но где брать деньги на билеты? Детский стоит недорого — 30 копеек. Для многих это пустяк, У нашего отца трое иждивенцев. Зарплата настолько мала, что с трудом хватает на хлеб и самые дешевые продукты, а нужно еще как-то одеваться, платить, хотя и немного, за квартиру, покупать школьные учебники, тетради и так далее, тут уж не до развлечений, в таком положении мы не одни и среди ребят поселка начались лихорадочные поиски путей проникновения в зал бесплатно.

Первый и самый простой способ — это подделка входного билета. Их печатают в типографии на грубой серой бумаге, какая идет на пачки махорки и значит вполне доступная для нас, так как в те годы почти все мужики курили только махорку.

У нас появились специалисты писать билеты тушью или черными чернилами на такой же бумаге. Работа кропотливая, лучше всего она получалась у Пети Потеряева, но при всех его способностях печатную машину заменить невозможно и нас скоро разоблачили, я, правда, пару раз с таким билетом сходил в кино. И тогда был найден более простой и надежный способ. Женщина в дверях обрывает контроль и кладет к себе в сумку, а билет как обычно, отда-

ет зрителю. Вечером оторванные контроли сжигаются или выбрасываются в мусорный ящик за клубом, там мы и выбираем наиболее подходящие из них. Лезвием бритвы тщательно подчищаем у корешка билета и у контроля концы, склеиваем строго по черте и билет готов. Если это делать тщательно и не спеша, то с лицевой стороны подделку определить трудно.

Сперва шло все гладко, сравнительно долго мы ходим в кино по поддельным билетам, но опыт стал широко распространяться, желающих сходить в кино бесплатно появилось много и администрация клуба стала у подозрительных мальчишек билеты проверять с обеих сторон, и доступ в зал для нас был закрыт.

На Белогорском поселке было несколько способов посмотреть кино бесплатно. Один из них – надо первым встретить киномеханика, он с аппаратурой приезжает на лошади, как правило, неожиданно, без объявлений, нужно предложить ему свои услуги, то есть обежать поселок и оповестить жителей криками о том, что привезли кино.

Желающих на роль глашатая обычно бывает много, так что надо успеть встретить его первым.

Сегодня мне повезло и я бегу сверху вниз по улице, перебегая с одной стороны на другую и ору во всю глотку:

– Кино! Кино привезли! Кино про шпионов и про войну!

О чем кино я пока не знаю, но кричу это для того, чтобы зрителей собралось побольше и тем самым завоевать авторитет перед киномехаником.

В награду меня пропускают бесплатно. Взрослые обычно рассаживаются по лавкам, а мы пристраиваемся на полу в проходах или у печки.

Сегодня вечером ко мне прибежал Ленка Симанов:

– Костя, кино привезли, называется «Джудльбарс», про овчарку и шпионов. Об этой картине мы уже слышали, желание посмотреть его велик, но денег, как обычно, нет. Тем не менее идем в клуб. Мишка Зашляпин предлагает залезть через суфлерскую будку под сцену, а потом, когда выключат свет, вылезти в зал. Предложение смелое, но выхода нет. Сказано – сделано. Двери в зрительный зал пока не закрыты и мы втроем лезем под сцену. Там темно, много всякого хлама и паутины. Зал начинает заполняться зрителями, он человек на сто, но может вместить и больше. Сегодня людей битком.

О том, что мы под сценой откуда-то узнает заведующий клубом Федя. Он начинает бегать по сцене, стучит по полу ногами, кричит:

– Вылезайте! Кому говорят вылезайте! Уши нарву!

Сам лезть под сцену не решается, на нем новый пиджак и марать его нет резона. Мы забившись в угол молчим. В зале с интересом следят за Федей. Кто смеется, кто дает советы:

– Федька, а ты их через щели палкой. Феде под руку попал тонкий металлический пруток и он яростно тычет им через щели в полу. Свет через них проникает под сцену и мы видим как пруток приближается к нам. Уловив момент, на четвереньках перебегаем в другой угол. В зале начинают возмущаться задержкой кино:

– Кончай охоту! Давай начинай кино!

Что ты пристал к пацанам, сами вылезут, тогда и лови их. Свет гаснет. Мы вылазим и согнувшись перебегаем за экран, вглубь сцены. В зале хохочут, Федор ругается. Но если смотреть с обратной стороны экрана там кажется все наоборот и смотреть неудобно. Надо перебираться в зал и мы уже не таясь прыгаем со сцены, расползаемся по проходам и вдоль стен, прячемся среди ребят. Кино идет частями, после каждой из них киномеханик включает свет и меняет диск.

Первая часть кончилась. Федя кинулся искать «зайцев», но зал полон, ступить некуда, а мы рассредоточились. Зрители подшучивают над Федей и он бросает свою затею.

– Знаю кто там был! Уши оборву! – говорит он.

Но нас это не пугает, пусть лучше уши пострадают, только бы кино посмотреть. После окончания кино стараюсь затесаться в гущу выходящей толпы, но Федя ловко выхватывает меня за ворот пальто, грозит пальцем:

– Знаю, что ты там был. Смотри у меня. Снова захотел к коменданту? Но я знаю, что он и уши драть не будет и к коменданту из-за такого пустяка не пойдёт

Я никогда не отказываюсь выполнять его мелкие поручения и активно участвую в художественной самодеятельности, так что он не долго будет на меня злиться.

А кино было, что надо! Неделю будут ребята обсуждать его в школе, вызывая зависть у тех, кто его не посмотрел.

Если в зал на просмотр фильма попасть все же не удалось, то приходилось прибегать к последнему, самому плохому варианту. После начала кино идем на улицу, лезем на завалинку и стараемся найти щель через которую виден экран.

Дело в том, что для затемнения окна летом изнутри завешиваются старыми одеялами. Иногда удается найти такую щель и мы в неудобной позе, согнувшись, выстаиваем на корточках или на коленях все кино.

Зимой, не помню уж точно какого года, пошли разговоры о том, что в Свердловске и в Нижнем Тагиле идет "Чапаев". Эту замечательную книгу большинство из нас уже прочитали. О Чапаеве знают взрослые и дети, мы постоянно играем в Чапаева. Каждый мальчишка хочет быть похожим на него. И вот, появилась такая возможность – увидеть Чапаева на экране. Мы не принимаем во внимание, что это просто кино, для нас это настоящий Чапаев, герой гражданской войны, в те годы это была самая главная и самая интересная тема, особенно для детей.

Наконец-то появилась афиша. Сегодня и завтра это кино будут показывать на Красном Урале. Для взрослых два сеанса в день, для детей по одному сеансу, но тоже два дня, начало как обычно в 5 часов вечера.

В кино собрался идти почти весь класс. У меня положение отчаянное. Денег ни копейки и я буквально убит горем. Поддельные билеты уже не в ходу, да и такого у меня нет. На что я надеюсь, сам не знаю, но вместе со всеми иду в клуб.

К началу сеанса у дверей собралось сотни школьников, никто не хочет это удовольствие отложить на завтра. Чуть не половина учеников второй смены сбежали с уроков.

Зал 500 мест, столько же и продано билетов. Толпа гудит и колыхается, кого-то из малышей придавили и они пищат, кого-то кричат знакомые. Работники клуба призывают к спокойствию, но на них никто не обращает внимания.

С друзьями Мишкой и Ленькой продираемся ближе к двери, у них билеты, у меня тоже билет, но старый с оторванным контролем.

Двери наконец открылись, сегодня там вместо одного контролера, стоят две женщины. Это усложняется мое положение. Поспешно сунув билеты, школьники спешат в зал, чтобы занять место получше, так как на детские сеансы цена билетов одинакова и места в них не указаны. У дверей давка. Впереди Мишка, загораживая меня подает билет, из-за его спины протягиваю и я свой обратным концом использованного билета. Пока женщина пытается разобраться где-же контроль?

– Мчусь в зал. Там в проходах много ребят, которые еще не определились с местом и я стараюсь затеряться среди них.

– Стой! – кричит контролер, но куда там, я пригнувшись убегаю в задний темный угол. На контролера напирала толпа орущих зрителей и ей не до меня.

С ребятами садимся в середине зала, снимаю свое пальтишко и шапку, в зале душно и многие так поступают.

Прозвенел последний звонок, двери закрывают, но свет не гаснет. По проходам ходят три женщины с билетом в руках, явно ищут меня. Ребята незаметно загораживают меня. Пятьсот почти одинаковых голов, где тут найдешь нужную в полутемном зале.

Наконец свет гаснет, я с облегчением вздыхаю. Началась эта замечательная картина. Нет, не зря я набрался нахальства, чтобы проникнуть в зал. Это кино стоило риска.

За всю свою жизнь много перевидал я художественных фильмов, но эта запомнилась особенно и смотрел я ее потом еще несколько раз.

В летние месяцы с посещением кино проблем у меня не было, я продавал ягоды и расходы на кино у меня стояли в одном ряду с расходами на хлеб, мне тогда больше ничего и не надо было.

Разные события

Смерть матери отец страшно переживал, я слышал как он говорил соседям:

– Даже при выселении так плохо не было.

Мне тогда еще не исполнилось и девяти лет и я не понимал, что нас ожидает впереди. Отец простой чернорабочий, забитый нуждой и горем человек не мог нам дать даже минимально того что требовалось для подростков. На его плечи ложилась забота о трех несовершеннолетних детях, трех иждивенцах.

Года через полтора отец снова женился, привез к нам в дом мачеху. Сестра встретила ее молча. Я не помню, чтобы она с ней о чем-либо разговаривала. Дуся сама стирала на нас, готовила обеды, следила за нашей учебой в школе. Мачеха была не вредная, но и ни на что не способная. Прожила с нами недолго и ушла.

Прошел еще год. Сестра в 1938 году поступила в Оханский учительский техникум и уехала на учебу. Мы с Толей оста-

лись одни.

Вскоре отец снова женился, к нам пришла новая мачеха. С собой привела дочь лет 5–6. Эта мачеха была не робкая, работала на драге, нас с братом невзлюбила, а мы ей отплачивали тем же. Особенно враждебно друг против друга были настроены брат и она. Свою дочь естественно она любила, ласкала ее, потихоньку совала ей то пряник, то конфетку. Девочка была тихая, добрая, я на нее зла не имел и помогал ей как брат младшей сестре.

Однажды я проснулся раньше обычного, мачеха была еще дома, поспешно собиралась на работу. Я заметил как перед уходом она положила что-то своей дочери под подушку.

Когда она вышла из дому я быстро встал, засунул руку туда и вытащил кулечек, в котором лежало несколько дешевеньких конфеток и пряников. Ровно половину я тут же съел, остальное положил обратно.

На следующее утро все повторилось. О своем открытии я рассказал Толе, На третий день мы оба встали пораньше. Кулечек лежал на месте, но содержимое было настолько мало, что делиться с «сестрой» не было смысла и мы все съели вдвоем. После этого кулечки под подушкой больше не появлялись и все делали вид, что ничего не случилось.

Летом отец с мачехой купили телку, накосили сена, а к осени из Сибири голодные и оборванные приехали к нам старики, родители мачехи. Дед был тихий, спокойный, а вот бабка оказалась сущей ведьмой. В Сибири они прожили несколько лет, что-то им там не повезло и они вернулись домой,

В тесной комнате, 16 кв. м., мы стали жить всемером. Обстановка в квартире все больше накалялась. Отец молча переносил все упреки и оскорбления мачехи и новоиспеченной тещи, а Толя каждую их выходку встречал в штыки. Старуха с утра до вечера брюзжала и что-то шипела себе под нос. Сестра Дуся к нам не ехала. Конфликт назревал и вскоре разразился дракой. Толя в очередной раз повздорил с мачехой, та схватила кочергу, а Толя ухват и загнал ее в угол. Прибежала старуха, схватила брата за рубашку, но тот в сердцах так хватил ее, что она отлетела к стене. Поднялся визг, шум, прибежала соседка и постаралась разнять их.

Через пару дней вся наша новоявленная родня во главе с мачехой съехала с квартиры, мы остались одни и свободно вздохнули. Уходя, мачеха увела с собой и телку. Отец продал копну сена, которая стояла у дома. Мачеха пожаловалась кому-то и отца заставили сено вернуть. Таким образом мы ничего не получили, хотя скотину покупали сообща, а сено отец косил один, кроме того у мачехи был один иждивенец, а у отца двое.

После этого он жениться больше не пытался, к тому же у него начало побаливать сердце. Отец зарабатывает мало, питаемся мы в основном только хлебом и картошкой, иногда варим кашу из перловой крупы, так как она дешевая.

Хуже нас на поселке никто не жил, но зато полная свобода действий и в этом наше преимущество перед другими ребятами. Отец работает далеко, домой приезжает редко, мы с Толей живем одни и нас часто навещают друзья со всего поселка, но ведем себя сравнительно спокойно, поэтому соседи молча терпят нас.

В мае отжурчали последние ручьи, лес покрылся зеленой листвой, земля травой. Природа и люди ожили, повеселели. Белая гора с опозданием, но тоже освободилась от снега, зазеленела, манила к себе.

В школе идут экзамены. Начиная с 4 класса их сдаем ежегодно. Впереди полное свободы и приключений лето. Утром можно понежиться в постели, а днем иди и делай, что хочешь. Над нами никакого надзора, никто не дает указаний: – сходи туда, принеси и сделай это. Хорошая все же эта вещь – свобода.

Но над нами висит постоянная забота о том, где и как достать деньги или пищу, в чем выйти на улицу? Одежда и обувь, не считаясь с нашими возможностями, носятся и рвутся.

Летом вся надежда на лес, он рядом и очень богатый, если хорошо потрудиться, то накормит и оденет.

В начале лета на лесных полянах начинают расти пиканы, кислица, пистики, саранка, а чуть позднее грибы. Все это идет в нашу пищу. Из грибов сперва появляются масленики. За ними идем рано утром, пока другие спят, на Соловьеву гору, покрытую не крупным сосняком. Грибов мало, так как им здесь не дают вырасти, поселок близко. Сегодня вдвоем набрали десятка полтора мелких маслеников и 2–3 сыроежки.

Завтрак из одних грибов получится очень скудный, надо бы добавить картошки, но ее нет.

- Надо бы немного картошки с грибницей, – говорит Толя.

- А где ее взять?

– Можно «позаимствовать» у соседей, – шепчет он,

У соседей, кроме хозяина, все дома. Хозяйка возится на кухне, в комнате их дочь, моя одноклассница и ее младший брат.

Толя закрывает дверь на крючок, чтобы случайно соседи не заглянули к нам, а я лезу в подполье. Набираю в соседском сусеке несколько картошин и возвращаюсь обратно.

Воровством, в полном смысле этого слова, мы не занимались, но голод иногда заставлял нас совершать подобные поступки.

Наконец-то на солнечной стороне пригорков и полянок появилась земляника, а у подножья Белой горы жимолость.

С утра пораньше отправляемся за ягодами. Набираем 2–3 стакана земляники и немногим больше жимолости. Мало конечно, но ягоды только начали поспевать. Я отправляюсь на Урал. Ягоды свежие, пахучие, надеюсь продать их быстро. В середине лета, когда начнет поспевать малина, черника и много будет земляники торговать ягодами будет труднее, так как многие жители из поселков пойдут в лес сами, желающих продать будет не мало, а число покупателей сократится.

Нам деньги нужны позарез, базара на Красном Урале нет, приходится ходить по квартирам и предлагать свой товар. Труд неприятный, времени уходит много, но что делать!

Иду в знакомое комсомольское общежитие. Там живут молодые ребята и девчата, у них деньги водятся и ягоды у меня частенько покупают. В первой же комнате мне повезло. Два молодых парня играют в шахматы, третий читает книгу.

- Здравствуйте, – говорю я. – Купите ягоды.

- Почему они у тебя?

- Сорок копеек за стакан земляники и тридцать копеек за жимолость.

- А что так дорого? – оторвался один от шахматной доски.

- Так ведь первые, собирать их приходится долго.

- Резонно, – соглашается он. – Свой труд ценить надо. Давай стакан тех и стакан других.

Я отмеряю по стакану ягоды. В это время в комнату входит старуха-нищенка. Одета бедно, на ногах старенькие лапти. В те годы нищих было уже мало, но встречались еще такие, так как у некоторых старых людей, всю жизнь проработавших в людях или у богатых старателей, документов на получение пенсии не было и родных нет, вот приходится ходить по миру.

Старушка долго крестилась, потом стала причитать:

- Подайте Христа ради. Бог на том свете вам воздаст и так далее. Слушать ее было утомительно и один из парней, прервав ее, проговорил:

- Вот что, бабушка, бога нет, мы в него не верим и на следующий раз говори просто, дайте хлеба или денег.

После чего парень взял со стола почти полбулки хлеба и отдал его старушке.

В июле на каникулы приехала Дуся. В магазинах продснаба с начала лета был организован прием ягод и грибов в обмен на промышленные товары. С одеждой было очень трудно, в магазины привозили редко и мало. Чтобы купить простую рубашку или брюки нужно было выстоять большую очередь. Детские майки, трусы, обувь, простая ма-нуфактура – ситец или сатин были большим дефицитом. А в обмен на дары природы в тех же магазинах все это можно было приобрести, но надо не меньше 50% стоимости товара покрыть по государственной цене сдачей грибов или ягод, остальное можно доплатить деньгами. Нам эта сделка была очень выгодна – не ленись и к осени можешь сравнительно дешево себя одеть.

Самым подходящим вариантом для нас был сбор и сдача малины. Грибов вокруг мало и они дешевые, а малина дорогая и ее в наших лесах много. Все малинники вокруг хорошо знаем.

Рано утром втроем отправляемся в лес, иногда с нами идут соседские ребята и девчата. В лесу хорошо, на траве еще роса, щебечут птички, кругом свежо и прохладно. Шутя и радуясь доходим до малинника и приступаем к сбору ягод. Малину собирать хорошо – быстро и приятно. Втроем набираем ведро, а то и полтора, часам к двум-трем дня уже дома. Часть ягод несем на продажу, остальные в магазин, там цена дешевле, но зато без волокиты, поэтому часто сдаем все в магазин. Почти каждый день у нас покупка, дорогое не берем. К осени неплохо приоделись. Сестра уехала на учебу, не предполагая того мы расстались почти на 10 лет.

Начало сентября выдалось сухим и теплым, солнце светит еще довольно ярко. Новый и последний предвоенный 1940 год. Сегодня выходной, но я постарался встать пораньше. На улице тихо, только слышны голоса женщин, да иногда пролает собака. Еще с вечера решил сходить на Белую гору. Там на одном из склонов есть у меня приметное местечко, где между редких сосенок на небольшом пятчке растет брусника. Недели две назад она была с одного бока еще зеленая и твердая, а сейчас, наверное, уже покраснела и стала вкусной. Эта ягода поблизости у нас не растет. Конечно лучше бы еще подождать, когда она станет бурой и сочной, как это бывает поздней осенью, но боюсь, кто-нибудь найдет это место и выберет ягоду раньше меня.

Беру свой заветный берестяной туесок с ляжкой, чтобы весить на шею, и напрямик через лес, на гору.

Осенью в лесу особенно хорошо, идти сухо, под ногами шуршит подсохшая трава и начавший опадать желтый лист. Березки и осины уже изрядно пожелтели. Листья на деревьях приобрели разную окраску. Много еще зелени, но много появилось и желтого, бурого и красноватого цвета. В целом картина в сухую, солнечную погоду очень хороша. Особенно красивой выглядит рябина. Эти деревья с красными гроздьями ягод видны издалека. Пробую ягоды, но они еще не доспели и очень кислые. Надо подождать когда начнутся легкие осенние морозы. Тогда, по первому снежку, эту ягоду прямо кистями берем и развешиваем на чердаке, а зимой мороженую заносим домой и, немного оттаяв, едим ее, морщась от кислотоватого привкуса.

А вот попалась небольшая черемуха. Укрытая деревьями и кустами от людского глаза она сохранила, свои плоды. Черные спелые ягоды свисают небольшими редкими кисточками с ее ветвей. Ягод немного, но они спелые и очень вкусные в это время, ну как тут пройдешь мимо.

В зеленой еще местами траве попадают последние спелые ягоды земляники. Малина на кустах еще есть, но у меня сегодня другая задача и, срывая на ходу спелые красные ягоды, спешу по едва заметной тропинке, ведущей круто в гору. На середине горы тропинка пропадает. Лиственный лес постепенно уступает место хвойному. На горе я как дома, поэтому уверенно иду вперед, солнце уже высоко. Вон между теми сосенками моя брусничная полянка. В мыслях уже подсчитываю выручку от собранной ягоды. Но что это? На моей поляне поют. Я подхожу тихонько к крайним деревьям и осторожно выглядываю. Там три девочки собирают мою бруснику и негромко поют. Узнаю двух сестер Киневых и их соседку. Живут они, как и я, в верхнем конце поселка.

Я стою и не знаю что делать, а песня нежно льется с горы:

- Мой костер в тумане светит
Искры гаснут на лету
Ночью нас никто не встретит
Мы простимся на мосту.

Песни я люблю слушать и сам охотно пою, но в другой обстановке. Сейчас стою молча и смотрю на девочек. Что же делать? Не драться же с ними, место ведь не куплено. Минут на двадцать наверно опоздал, приди пораньше и сейчас они бы смотрели на меня из-за деревьев.

Решил все же выйти. Меня заметили, старшая Таня приветливо спрашивает:

- Костя, откуда ты взялся?
- Из дома, откуда еще!
- Ты один ходишь и не боишься? – вмешалась младшая из сестер.

— Кого бояться-то, вас что ли? – пытаюсь быть сердитым, но девочки настроены миролюбиво. Обступили меня и наперебой стали рассказывать, как летом ходили по малину и нашли это место с брусничкой, а сегодня вот выходной и они решили ягоды собрать.

Я оглядываюсь, ягод осталось немного, три девчонки за полчаса почти все очистили.

Им я решил не говорить о том, что я тоже это место приглядел заранее, но они опередили меня.

День хороший, кругом тишина, я не разбираюсь и ни о чем не думая пошел вдоль горы, а сзади раздалась новая песня:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?

Решил просто побродить по склону горы. Скоро наступит настоящая осень, пойдут дожди, в лес не вберешься.

Вышел на скальную россыпь. Отсюда открывается хороший вид на окрестности. Прямо под ногами нижний конец нашего Белогорского поселка, домики как картонные, похожие как две капли воды, друг на друга, стоят тремя ровными рядами. Здесь я вырос, тут умерла моя мама, здесь я живу в нужде и заботах о насущном куске хлеба. Мне бы, наверное, надо ненавидеть его, но я люблю свой поселок, пройдут годы, долго буду служить в армии, учиться в институте, работать на производстве, но часто буду вспоминать его, видеть во сне, тосковать о нем. Это моя вторая родина.

Верхний конец поселка скрыт деревьями и свой дом я не вижу.

Дальше за нашим поселком виден Красный Урал, там моя школа, клуб, там дома разные и крупнее чем у нас, главная улица вытянулась до подножья Соловьевой горы, от нее дорога серой лентой пошла в Черноисточинск. Позднее я узнаю о том, что Соловьева гора очень богата дунитом и является первоисточником огромного месторождения

платины, но месторождение в основном выработано и сейчас драги и старательские артели в руслах рек и логах собирают последние килограммы этого драгоценного металла.

Мне нравятся наши места, они очень красивы и я с друзьями или один часто провожу время на природе.

В конце ноября прочно лег снег, все вокруг побелело. Мы учимся во вторую смену и утром чуть свет ко мне пришел Леня Симонов.

– Пойдем на лыжах кататься, – предлагает он.

– Лыжни же еще нет, – пробую возразить я.

– Ну и что, проложим. Кто-то должен первым проторить ее.

Лыжи я люблю, с 6–7 лет начал ходить на них, правда были они сперва самодельные, но с них все и началось. Позднее, уже учась в пятом классе скопил денег и купил у кого-то из ребят по дешевке старенькие, настоящие. На лыжах ходим в валенках, до ботинок еще мода не дошла, да и не по карману нам такое удовольствие.

Палки вырублены в лесу из сухих мелких елочек, о бамбуковых только мечтаем, хотя у некоторых ребят они уже имеются.

Лыжи у нас имеют многие ребята и ходят на них по одиночке и группами. Только выпадет снег, смотришь уже вдоль дороги на улице появилась лыжня и тянется она за поселок в лес, на гору и поманила за собой других любителей этого вида спорта. Любовь к лыжам сохранилась у меня на всю жизнь. Под старость уже в возрасте 50–60 лет я свободно проходил быстрым темпом 10–15 километров в день и немного находилось молодых людей, которые обгоняли меня на соревнованиях и на прогулках.

Пока собрались солнце поднялось над вершинами деревьев. В лесу тихо, слышно только как под лыжами слегка поскрипывает снег, да наше прерывистое дыхание. Первому идти по целому снегу тяжелее, поэтому временами меняемся. Иногда за ворот с веток и деревьев и кустов падает снег и холодной струей стекает по спине.

На полянках и прогалинах снег белый, белый и чистый. После дождливой осени он приятно радует глаз, а воздух действительно «Чист и свеж». Идем на лыжах и как-будто оказались в сказочном царстве. До чего же хорошо!

– Смотри, Костя, заячий след. Их нынче говорят много будет. Заячьи следы нас интересуют особенно. Их не спутаешь не с каким другим. Зайцы уже оделись в пушистую белую шубку, значит пора готовить петли и ставить их. Это для нас не развлечение, а дополнительный кусок хлеба. Но об этом чуть позже.

А вон ленточкой вьется след лисы, где зайцы, там и лисы и рыси. Заячятина их любимая еда. На снегу много мелких следов и других зверюшек, некоторые прямо тянутся как нитка, другие петляют и исчезают вдруг под гнилым пнем или под корнями вывернутого дерева. Все ищут что-то, прячутся от более крупных хищников, сами охотятся за более мелкими и слабыми.

Зимой жизнь в лесу не затухает, она просто становится более тяжелой и опасной. Мы не охотники и не очень разбираемся в этом кроссворде, но видеть и сознать, что вокруг тебя масса живых существ радостно и приятно.

Идем дальше, здесь обычно прокладываем свою пятерку, на которой зимой устраиваем стихийные соревнования без тренеров и судей. По ходу движения обламываем длинные ветки, бьющие прямо в лицо, оттаскиваем в сторону упавшие деревья, если это под силу.

В конце лыжни огибаем куст черемухи и обратно той же дорогой домой. Вот лыжня готова. В воскресенье по ней наверняка пойдут и другие.

Вечером с чердака достаю и проверяю петли на зайцев. Некоторые поржавели и их надо почистить, потом потереть о ствол елки или пихты, чтобы не пахло человеком.

В выходной втроем – я, Леня и его брат Генко идем ставить петли. Следов больше всего у подножья горы, в осиннике. Здесь есть упавшие или срубленные осинки и вокруг них снег местами плотно утопан зайцами, они любят глотать осинковую кору.

- Тут у них наверняка танцплощадка, – говорит Генко.

- Нет, столовая, – поправляю я.

Решили разойтись в разные стороны. Я ближе к горе, братья Симоновы внизу. Петли расставлены, следов много, но зайцы нам попадаются редко, или мы петли готовить и ставить не умеем, или зайцы такие умные, что обходят их стороной.

Симоновых три брата, отца нет, мать простая прачка, семья перебивается с хлеба на воду, так что пойманный заяц для них, как и для меня, большая удача, 1,5–2 килограмма мяса и за шкуру дают три рубля, для нас деньги не малые.

Через пару дней идем проверять петли. У меня пусто и я выхожу в условленное место на дорогу. Братья Симоновы уже там. Их лица сияют от радости, так как у ног лежит заяц с петлей на шее.

Еще издали Генко кричит мне:

– Поймали! Мы зайца поймали!

Мне немножко обидно, но в то же время рад за них. Семья не маленькая и сегодня вечером будет хороший суп с мясом. Я трогаю зайца рукой.

- Он теплый еще у вас.

- Это хорошо, оттаивать не надо будет, – отвечает Ленька и приказывает младшему брату:

- Сними с него петлю, перевяжи ноги ремнем и возьми его за спину.

Генко послушно ослабил петлю на шее и только снял ее с головы зайца как тот встrepенувшись, вскочил на ноги и крупными прыжками помчался в ближний лесок.

- Лови его! – истоженно закричал Ленька.

Генко кинулся было за ним, да где там. Ленька со слезами на глазах стал ругать брата за нерасторопность, а тот от обиды вообще заревел. И действительно обидно было. Добыча только что лежала у ног и вдруг исчезла.

Мы молча двинулись к дому.

Очереди

В стране, после выселения наиболее трудолюбивых и смекалистых крестьян и организации колхозов, не хватает хлеба. Зерна к тому же много идет на продажу за границу. Россия всегда была поставщиком этого товара в Европу.

Не хватает и промышленных товаров для населения. Их производится явно недостаточно.

Все это ведет к постоянным очередям в магазинах. Ни одно поколение наверное не потеряло столько времени на очереди как наше.

Стояли в очередях в 32 и 33 году, в 37 и 38, 39 и 40. Особенно они запомнились в зимнее время. Зима 1939-40 года. Идет война с Финляндией. По радио и в печати говорят и пишут об успехах Красной Армии, но просачиваются слухи о больших потерях и неудачах.

В этом году особенно остро ощущается недостаток хлеба в магазинах. Очередь за ним занимают с вечера. Взрослые расходятся по домам, а мы долго еще торчим у магазина. Рано утром снова все собираются и две-три бойких женщины ломают вдруг всю очередь, все начинается сначала, кто бойчее тот оказывается ближе к дверям. Тут уж не теряйся, работай локтями и всем своим туловищем, иначе окажешься в хвосте. Сейчас очередь стоит на месте пока не привезут хлеб, можно только сбегать на 20–30 минут погреться и снова в строй. Выстаивать иногда приходится по 4–5 часов.

Шесть часов утра. Меня будит отец:

– Костюшка, вставай. На Урал за хлебом сходить надо, – говорит он как можно ласковее.

Жалко ему будить меня и посылать в мороз за два километра в соседний поселок, но другого выхода нет.

Отец у нас очень смиренный, про таких говорят муху не обидит, нас с братом никогда не наказывает, даже не ругает.

У меня слипаются глаза, страшно хочется спать, а главное не хочется в мороз идти на улицу.

– Вставай, – повторяет он, – вечером я тебе на чай дам.

Это значит вечером он мне даст копеек 20–30 на личные расходы. Я быстренько собрался и вышел на улицу. В редких окнах зажглись огни, в основном поселок еще спит. По нему идти не страшно, но вот он кончается, дальше небольшой лесок, а затем дорога идет мимо кладбища, с дороги видны могилы с крестами и звездочками. Знаю, что ничего не случится, но мне жутковато. На окраине поселка у изгороди останавливаюсь, оглядываюсь назад, не появится ли какой-нибудь попутчик.

Мелькнул огонек папироски и из темноты возникла фигура взрослого человека. Узнаю Алексея Попова – отца моего одноклассника, он работает токарем в механических мастерских.

- Что стоишь, парень? – спрашивает он.

- Да вот пошел за хлебом на Урал, у нас сегодня в магазине выходной, – отвечаю я.

Алексей мужик разговорчивый, доброжелательный, с ним идти не скучно, но он вдруг начал оборачиваться по сторонам, оглядывая себя. В зубах у него папироска.

–Гарью пахнет, а что и где горит не пойму, – озадаченно говорит он.

В правой руке у него матерчатая сумка с едой на обед. Тогда столовой в мехзаводе не было и рабочие еду носили с собой. Оглядываясь, Попов невольно правую руку с сумкой отводил назад и она оказывалась в не поля зрения.

Я тоже начинаю чують паленое и в это момент замечаю круглую красную полоску на его сумке, она при взмахе руки разгорается ярче и становится все шире.

У вас сумка горит! – кричу я.

- Мать честная! – воскликнул Алексей и поспешно начал затирать горелое место снегом.

Это я когда прикуривал так наверное искра попала. Ну спасибо, брат, а то бы потерял обед или бутылку с молоком разбил.

Хлебный магазин открывают в семь часов, хлеб завезен с вечера, очередь большая, а я оказываюсь в самом конце. Надежды купить хлеба мало, его дают по два килограмма в руки, а людей много. Но мне повезло. Меня заметила Зинаида Григорьевна Трегуб, учитель физики и наш классный руководитель. Она стоит впереди со своей дочерью Соней – моей одноклассницей. Соня тащит меня за руку вперед.

–Становись сюда, мы на тебя очередь заняли, – громко говорит она, чтобы слышали сзади, но и без этого все бы промолчали, так как Зинаиду Григорьевну все знают и уважают.

Хлеб продается с весу, поэтому очередь движется медленно. Наконец и у меня в руках булка хлеба с привеском, который я съедаю по дороге домой. Обратно идти хотя и темно еще, но уже веселее, навстречу идут люди на работу и школьники первой смены. Сегодня мы с хлебом. Эта забота отпала.

Вечером отец дает мне 30 копеек, как раз на кино.

За детские годы в очередях я настоялся досыта и на всю жизнь невзлюбил их, поэтому сейчас без особой нужды стараюсь избегать их.

Рыбалка

Ясное солнечное утро. День обещает быть жарким. Лучи солнца через окно заполняют нашу неухоженную комнату. Назойливо жужжит муха, на улице слышно мычат коровы. Их хозяйки выгоняют на пастбище. Женщины между собой переключаются через дорогу. На заборе и на проводах громко чирикают воробьи.

Окончательно просыпаюсь. Толя уже встал. Впереди длинный беззаботный летний день и жизнь кажется прекрасной. С таким настроением я и поднимаюсь со старого латаного матраца.

Сегодня с ребятами договорились идти на Чауж удить пискарей. Это небольшой старый гидравлический разрез на речке Чауж. Мы живем в Европе на самой границе с Азией, и Чауж берет начало в Азии и впадает в Черноисточинский пруд, он как и все вокруг нас речки богат платиной. Этот невзрачный серый металл ценится высоко также как и золото.

Вся наша немудреная оснастка готова с вечера. Отправляемся впятером. Старший у нас Иван Трапезников, с ним двоюродный брат Мишка, я с братом Толей и еще один соседский парень.

Тропинка от поселка вьется по старым дражным отвалам и по разрушенной плотнике через Мартьян, далее по дороге мимо запасного пруда, который по рассказам старожилов создан еще в начале XX века наследниками Демидовых. Размеры его приличные, глубина несколько метров, отгорожен высокой и довольно широкой плотиной с водосливом, через который вытекает наш Мартьян.

Вода в пруду чистая и прозрачная, летом у плотины хорошо прогревается и мы ходим сюда купаться.

По этой дороге раньше ходили рабочие многочисленных старательских артелей, дражники, работавшие в Бобровке и Павловском. Немало по ней перевезено и перенесено золота и платины, немало и погибло людей здесь от рук разбойников, промышленявших грабежом. Сейчас дорога постепенно зарастает, ветки деревьев нависают над ее обочинами. С дерева на дерево перелетают птички, иногда ее перебежит бурундук или заяц, с шумом взлетит глухарь, эта птица по утрам на дороге клюет мелкие камешки.

Вот и разрез. Он не глубокий, расположен на большой лесной поляне, тут и там видны следы старательских работ. Сейчас поляна покрыта травой и цветами, беспрерывно стрекочут кузнечики, жужжат шмели и пчелы, масса всяких насекомых копошится в траве.

Располагаемся на знакомом излюбленном месте. В первую очередь готовим и забрасываем в воду бутылки. Они служат для ловли мелкой рыбешки, такой как пискари.

В те годы вино продавали в бутылках дно у которых, как у рыбацкой морды, под углом вдавалось внутрь. Само доньшко размером побольше пятака мы осторожно по периметру выпиливаем углом слесарного напильника и выбиваем. Чем больше бутылка, тем лучше. Внутрь бутылки кладем кусочки хлеба для приманки рыбы, горлышко затыкаем пробкой, бутылку обвязываем шнурком и забрасываем в воду подальше от берега. Пискари, тычась мордой вдоль бутылки, находят вход через выбитое доньшко, попадают внутрь, а обратно выйти уже не могут.

Через 20–30 минут бутылку вытаскиваем, в нее набирается иногда до 10–15 рыбешек. Имея 2–3 штуки таких бутылок и несколько удочек, за день мы с братом налавливаем почти полный туесок пискарей. Из рыбы варим густую уху или меняем у соседей на молоко и картошку.

Сегодня погода отличная. Тихо, солнечно и тепло. По небу лениво тянутся редкие облака. Поплавки беспрерывно ныряют под воду. Пискари на Чауже крупные, жирные, их ловить на удочку одно удовольствие.

К обеду клев стал хуже. Тут же на берегу разводим небольшой костер, в горячую золу кладем картофель для печенок. После обеда искупались, полежали на мягкой свежей траве. К вечеру еще поудили и решили переночевать в заброшенной старательской избушке, расположенной недалеко от разреза. В ней сохранилась маленькая печурка из камней, у стены из жердей нары. На них набросали веток и легли, но сон не идет. Иван Трапезников рассказывает про медведей. Он с дедом и матерью привезен откуда-то с севера, где много лесов и зверей.

- Мужик у нас один, охотник неважный, браконьер, его не любили за то что птицу и зверя бил в любое время года, даже тогда, когда птица сидела на гнездах, а звери ждали потомство. Однажды он ранил медведицу, но та ушла. В тот же день, возвращаясь домой, браконьер утонул. Его похоронили. Дважды медведица приходила на кладбище, но ее сторож отпугивал. Третий раз пришла и разрыла могилу почти до гроба, но ее снова прогнали. Больше не приходила.

- Или вот был случай. Охота на медведей была запрещена, но один, освободившийся из заключения, раздобыл ружье, ранил в лесу медведя, тот ушел. Этого мужика уже искала милиция за всякие безобразия. Он решил скрыться, украл лодку и поплыл вниз по течению. Милиционер узнал об этом и на лошади погнался за ним вдоль берега реки, стал уже настигать беглеца, но в это время увидел, что с другого берега наперерез лодке бросился медведь. Милиционер не успел что-либо сделать как медведь перевернул лодку и окунул преступника в воду и держал пока тот не захлебнулся. Так вот раненый зверь отомстил за себя.

- Как же медведи узнают своих обидчиков?

- Не знаю, но медведи очень умные звери, зря на человека не нападают.

- Ваня, расскажи еще что-нибудь про медведей, – просим мы.

- От нас недалеко в лесу была небольшая деревня, там было голов 40–50 коров, которых много лет подряд пасла одна женщина. Подпасками иногда попеременно выходили жители.

Однажды с ней был один парень, он вдруг закричал. Женщина-пастух прибежала к нему:

- Что ты кричишь, что случилось?

- Среди коров медведь ходит! – говорит он.

- Знаю, он уже два года временами приходит сюда, коров не трогает и они уже привыкли к нему. Но ты не смей никому рассказывать, а то найдется какой дурак и прибежит с ружьем.

Парень конечно не вытерпел и рассказал в деревне. Действительно один нашелся такой, укараулил медведя на опушке леса. Это была медведица, она ходила с годовалым медвежонком, мужик его-то и застрелил. Медвежонка на телеге увезли в деревню, а медведица пришла туда прямо днем и запорола у коновязи сразу двух лошадей, а на второй день разогнала стадо коров, но ни одну не тронула.

Наконец мы крепко уснули. Первым проснулся Иван, тихонько разбудил нас и, приложив палец к губам, прошептал: «Тсс! Тихо!». Прислушались, за дверями раздавались шорохи и приглушенные ребячьи голоса. В оконце появилась довольная, ехидно улыбающаяся физиономия. Мы узнали парня лет пятнадцати с Сухого Лога, который находился за Красным Уралом, драчуна и забияку.

- Проснулись, кулачье! Как поспали? Что вам приснилось? – ехидно спросил он.

- Сейчас мы вас поджарим. Принесем хворосту и подожжем избушку.

Мы кинулись к двери, но она оказалась снаружи подпертой. Через щели видно, что ребят четверо, они небольшие, но как нам выбраться из избушки. Окно настолько мало, что через него не пролезешь. Снаружи смеются и издеваются над нами.

- Хоть лбами бейтесь, не выберитесь оттуда!

- А ну, ребята, давайте нажмем на дверь все вместе! – скомандовал Иван.

Мы, кто плечом, кто руками уперлись в двери, поднатужились. Дверь была такая же ветхая, как и сама избушка, ржавые петли не выдержали, лопнули и мы кучей вывалились наружу, но были встречены градом камней и ударами палок. В первый момент растерялись и кинулись бежать. Сухоложские ребята за нами. Добежали до отвалов, Ваня остановился, схватил камень и крикнул:

– Ребята, хватай камни, бей их!

Мы так и сделали. Сейчас преимущество явно было на нашей стороне. Во-первых нас было больше, а во-вторых у нас под руками были камни, а те оказались на голой поляне и град камней сейчас обрушился на них.

Вожак ихний, бежавший впереди других, получил удар камня по голове, ойкнув, схватился рукой за голову, по лбу потекла кровь. Парень круто повернулся и побежал обратно, его дружки кинулись за ним. Мы преследовали убегающих до леса. В качестве трофеев получили несколько удочек с настоящей фабричной леской и красивыми поплавками.

Не зная, как могут повернуться события дальше, тоже отправились домой.

С тех пор на Чауж ходили только большими группами и без ночевой.

Летом удить рыбу ходим часто, это занятие мне очень нравится. Хорошо сидеть с удочкой на берегу речки у леса, в кустах порхают и щебечут птички, над водой проносятся стрекозы, а на воде то здесь, то там слышны всплески рыб. А какое удовольствие получаешь когда поплавок круто пошел вниз и ты вытаскивать окуня или пискаря.

По Мартьяну когда-то прошла драга – плавучая фабрика, выгребая и отсеивая от пустой породы, серый, невзрачный на вид, но очень дорогой металл - платину. По рассказам знаем как, найдя богатое содержание ее, люди быстро богатели, затем разорялись и порой гибли из-за этого металла. После себя драга оставила много своеобразных прудков, называемых здесь разрезами, в них живет сейчас рыба, в основном пискари.

Мартьян берет начало в горах, в лесу недалеко от речки Чауж, но течет он Европу, его воды, пройдя огромный путь, впадают в Волгу.

Разрезы соединены между собой перекатами и мы берем старый кусок мешковины или просто снимаем с себя рубашку и ловим этой оснасткой пискарей.

За более крупной рыбой ходим на Черноисточинский пруд или реку Шайтанка.

Конец августа, погода дождливая, но мы с братом решили пойти рыбачить на Шайтанку. Эта река в 7–8 километрах от нашего дома. До места добрались часам к одиннадцати, дождь по-прежнему моросит. Недалеко от поселка Мителево забрасываем удочки, но клев плохой. Хочется есть, а у нас три маленьких окунька и кусок хлеба на двоих.

– Надо картошки накопать, – говорит Толя.

Я согласен. Крадучись подбираемся к изгороди крайнего огорода, я переваливаюсь через нижнюю жердь, ползу к гряде и у нескольких кустов подрываю крупные картофелины. Набрал почти полный котелок и тем же путем обратно. С трудом развели костер, сварили картошку, но стало уже темнеть, а дождь все также сыплет и сыплет сверху. Есть по дождем не хочется да и нужно подумать о ночлеге.

– Когда ты копал картошку я видел как из бани в соседнем огороде старик с веником выходил и дымок из трубы шел, наверное баню топили, – говорит Толя.

- Пойдем попробуем там переночевать, баня от дома далеко, на улице уже темно, не увидят.

- Пошли, – охотно соглашаюсь я.

Перебрались через изгородь. Баня не закрыта на замок, при входе приятно пахло теплом, печка еще горячая. Разделись почти до гола, одежду повесили сушить, сами забрались на полки и с аппетитом поели картошки. Одежда быстро высохла, мы хорошо выспались. Встали когда на улице уже рассвело. Недалеко мычит корова, слышно как хозяйка разговаривает с ней. В узкое оконце бани пробивается луч солнца, небо чистое. Надо незаметно уходить, чтобы хозяева не подняли шум. До изгороди метров сорок. Осторожно выглядываем из предбанника, постройки скрывают нас от дома и двора.

Согнувшись, крадемся по меже между грядок. До изгороди осталось метров десять, когда сзади раздался крик женщи-

ны:

–Воры! Держи их!

За себя я не боюсь. Одним махом перескакиваю через изгородь, но брат мой с детства хромой, ему труднее. Вот и он на другой стороне изгороди, а тут уж недалеко и кусты.

Оглядываемся, хозяйка с граблями подбегает к изгороди, но перелазить не решается, да и бесполезно, мы уже далеко.

Вверх по берегу реки, в сторону поселка Кардон, добираемся до того места, где часто удим рыбу.

Солнце поднимается все выше и выше, природа после дождей словно переродилась, даже не верится что вчера мы мокли и мерзли под дождем.

Зайдя по колено в воду, насаживаю червяка на крючок и забрасываю леску. Вода в заводи спокойная, только блестит под солнцем как зеркало. Минутка - другая и вот мой поплавок несколько раз лениво клюнув носом, резко пошел вниз, подсекаю и чувствую тяжесть даже под водой.

Рывок и над гладью воды трепыхается большой красноперый окунь. Гляжу и Толя тащит из воды окуня. Клев пошел на славу. К обеду он прекратился, сматываем удочки и с богатым уловом по шпалам узкоколейки отправляемся домой.

Иногда делаем вылазки на Черноисточинский пруд. Он очень обширен и красив, занимает дно глубокой горной котловины. В него втекает с разных сторон много небольших речек и ручьев. Рыба здесь водится крупная. Настоящие рыбаки с хорошей снастью имеют неплохой улов. Мы ходим с удочками, в качестве насадки берем дождевого червяка, а на него рыба клюет редко, поэтому домой часто возвращаемся с пустыми руками. Но здесь главное хорошая прогулка по лесу и ночевка на берегу красивого пруда.

Предвоенные годы

В летние вечера, не договариваясь, собираемся в сквере у комендатуры. Сквер построен пару лет назад. Произошло это просто. Комендант объявил субботники, на которых от каждой семьи должно быть отработано определенное количество часов. Выселенцы народ дисциплинированный, поэтому в назначенное время аккуратно выходили на работу, 30–40 человек каждое воскресенье трудились на пустыре. Одни копали ямы под кусты и деревья, другие возили их из леса и садили здесь, третьи городили изгородь из штакетника. Здесь же была оборудована площадка для детей с качелями и танцплощадка для молодежи.

Вообще для поселка было воздвигнуто хорошее место для отдыха.

После окончания строительства было открытие сада с выступлением художественной самодеятельности, buffетами, музыкой и танцами. Вход по билетам, а мы лезем через забор. До поздней ночи на поселке шло гулянье, гремела музыка, пели песни.

В этом сквере в субботу и воскресенье танцы и в первое время даже было организовано дежурство, ну а в будни сквер в нашем распоряжении.

Сегодня стемнело, нас несколько человек сидим на танцплощадке. В центре внимания Ванька Шихов, ему скоро 16 лет, он по-прежнему озорной, мастер на всякие выдумки.

–Пойдем страдовать, – предлагает кто-то из ребят.

Страдовать – на нашем языке означает залезть в чужой огород за морковкой, горохом, репой и другими овощами.

- Куда пойдем? – спрашивает Толька Галимзянов.

- Может к Лебедкам? У них калега хорошая.

Нет, там у забора в огороде специально старые литовки и другие острые предметы разложены. Покалечиться можно.

Пойдем к Сысоеву, – предлагает Ванька, – У него морковь хорошая, но грядка прямо под окном, так что по борозде ползти надо. Я днем одну тычину в заборе оторвал и приставил незаметно, через эту дыру пролезть можно.

Пошли вчетвером: Ванька, Толька и мы с братом. Время уже позднее. Свет в доме давно погашен, а уличного освещения на поселке нет.

–Костя, ты самый маленький, лезть придется тебе, а мы у забора покараулим, – говорит Ванька.

Двое отходят на дорогу. Ванька отодвигает тычину, а я лезу в дыру и по-солдатски ползу по борозде. Темно, хоть глаз коли. Вот нащупал морковную грядку, но вдруг натыкаюсь на что-то мягкое и теплое. Не успел ничего сообразить как оказался подмятым кем-то под себя. На меня навалился сопя, мнет и ворочает мужик.

–Попался! – это кричит хозяин огорода Сысой, так его прозвали на поселке, мужик лет пятидесяти из наших же выселенцев.

Позднее выяснилось, что кто-то заметил как Ванька Шихов отдирает тычину, хозяева догадались для чего это делается и решили караулить. Сысоев завернулся в тулуп и задремал, проснулся когда я в темноте навалился на него. Он тут же подмял меня под себя. Я молча пытался выбраться. Началась возня. Ребята за оградой поняли, что я попался и в нашу сторону полетели камни. Один из них угодил Сысоеву в голову и он начал громко кричать и материться. На шум сбегались соседи, в основном женщины и ребятишки. Меня вытащили во двор. Сысой крепко держит за руку, а женщины ругают меня и пытаются узнать, чей я, так как я живу в верхнем конце поселка, а попался в нижнем конце и меня не все знают.

Ребята, которые тут были конечно узнали меня, но молчат, не хотят выдать меня.

На меня сыплются оскорбления:

–Вор, хулиган!

А главное всех интересует моя фамилия и кто мои сообщники. Я молчу, лихорадочно соображаю, что же делать? Надо как-то выкручиваться, все равно ведь узнают кто я такой.

–Менко Кинев, – соврал я, надеясь на то, что Киневы живут далеко отсюда, он парень не приметный, тихий и его здесь не знают.

Выручила всех девочка, она и выдала меня:

- Не ври, с Киневым я учусь вместе, а ты Костя Мосин.

- Беспорядочные они с братом, мать умерла, а отец на работе, дома редко бывает, – говорит одна из женщин.

Сейчас они начинают обсуждать, что же делать со мной.

- Увести его на Красный Урал и сдать в милицию, – предлагает одна.

- Кто поведет-то? Убежит ведь по дороге, – мнется Сысоев. До Урала два километра и ему явно не хочется тащиться туда.

Я много читал книг про воров и милицию. Знаю, что вора надо поймать с поличным, чтобы привлечь к ответственности, поэтому, как утопающий, хватаюсь за соломинку.

–За что вы меня в милицию-то? Что я у вас окно разбил или украл что-либо?

Женщины даже оторопели от такого нахальства.

- Как не украл? А зачем ты лез в огород?

- А так просто. Смотрю дыра в заборе, решил посмотреть, что там, а воровать и не думал даже.

- У меня стайка пустая. Может закрыть его там до утра? – размышляет Сысоев.

-Не имеете права! – говорю я. – Арестовать может только милиция. Это опять смутило окружающих. Может и на самом деле нельзя. Закроешь, а потом ты же и виноват будешь.

Чувствую, что рука, которой держит меня Сысоев ослабла, я вырываюсь и разрывая кольцо женщин, бегу. Путь один – на улицу через калитку, которая из таких же тонких тычинок как изгородь. Она конечная слабая, но закрыта на деревянную вертушку или на крючок. В темноте их сразу не найдешь, возиться у двери некогда, а в трех шагах за мной, громко пыхтя и топя сапогами, бежит Сысоев. Приложив все силы, с разбегу всем туловищем налетаю на дверку калитки и вместе с ней вылетаю на улицу, падаю на землю, из носа бежит кровь, это я ударился обо что-то твердое.

Сысоев хватается за меня и ведет обратно во двор.

- Ну и ну, откуда у такого сопляка и сила взялась, двери с петель и крючка вышиб? – удивляются женщины.

- Да у него нос разбит!

- Это меня Сысоев кулаком по морде ударил, – нахально вру я.

- Как ударил! Ты что врешь! Не бил я его! – начинает отпираться он. Понимает, что детей бить нельзя, могут и привлечь к ответственности.

За изгородью мы были двое и неизвестно кому больше поверят, а то что привел он меня оттуда в крови видели все. Обстановка оказалась довольно запутанной. Прямого воровства нет, а я избит. Чувствую, что интерес ко мне начинает пропадать. Всем надоело, да и спать пора, завтра встать рано, но и отпустить безнаказанно не хочется и

Сысоев последний раз спрашивает с кем я был, при этом снял с меня новую фуражку и говорит:

– Не отдам, пока не скажешь с кем был? Я знаю тут Ванька Шихов верховодит.

Но я молча ухожу со двора. На дороге меня ждут ребята, каждый боится за себя, но я успокоил, что никого не выдал.

Второй день сижу дома, на улице стыдно показываться. Знаю, что ночное событие обсуждают сейчас в магазине и на улице. А ночью ребята разобрали прясло сзади сысоевского огорода и загнали туда стреноженную лошадь. Она потоптала картошку и разворошила копешку сена.

Сысоев пришел к нам разбираться, но наша соседка подтвердила, что вчера мы рано легли спать и никуда не выходили. Фуражку Сысоев мне вскоре вернул.

В конце августа с группой ребят идем на Урал. Решили полакомиться из совхозных парников огурцами. В то время они редко у кого росли, теплицы еще не знали, а в домашнем парничке много не вырастишь, поэтому огурцы у нас считались деликатесом.

Парники большие, их несколько рядов, но попасть к ним трудно. Забор высокий, на территории живет сторож с ружьем и собакой.

Я через забор не полез, оставили стоять «на шухере». Трое ребят тихонько пробрались через дыру, сделанную в заборе. Пока все тихо, но вдруг яростно залаяла собака, закричал сторож, раздался топот и тотчас проскочили двое из ребят, нет Сереги Лобанова. Вот и его голова появилась в заборе и в это время прозвучал из ружья выстрел. Серега вскрикнул и вывалился на эту сторону, мы его подхватили и поволокли в темноту, вскоре он смог бежать сам. Наконец остановились передохнуть.

– Он мне в зад попал, наверное, дробью. Страшно ноет, – простонал Серега.

Посмотрели крови нет.

– Он в тебя солью пальнул, – проговорил кто-то. – Бежим к Мартьяну! Почти целый час просидели на берегу пока Серега, сняв штаны, отмачивал и оттирал свой зад. Договорились никому не говорить, что произошло. Но случай-то очень уж интересный, небывалый в наших краях, и к вечеру второго дня все ребята хохотали над неудачливым огородником.

В конце августа - начале сентября, когда по вечерам уже прохладно, а в лесу с деревьев начинает опадать лист, мы засветло лезем за картошкой на дальних огородах и с ней идем в лес. На своих огородах тоже картошка хорошая, но предпочитаем чужую, тут свой риск и что-то романтическое. В лесу у нас свое заветное местечко на небольшой полянке у ручья.

Разводим костер и сидим вокруг него, ожидая когда побольше нагорит золы, в нее зарываем картошку. Кто-нибудь рассказывает забавные истории или просто сидим молча.

В вечерних сумерках дальние деревья, копны сена и очертания Белой горы постепенно исчезают в темноте. Молча смотрим на танцующие языки пламени и ждем когда картошка пропечется. Пламя почти затухает, пробуем картошку, она хорошо пропеклась, очищаем поджаристую корочку от копоти и приставшей золы и едим ее, обжигая язык и губы.

Попили холодной воды из ручья и домой. На небе уже ярко горят звезды, кругом тишина.

В конце тридцатых годов обстановка в стране стала особенно напряженной. Только что поражением народной власти закончилась война в Испании. Оттуда в СССР везут голодных детей и сирот.

На востоке начались крупные военные столкновения с Японией. Газеты пестрят статьями о нарушении границ японцами. Они нахально прут на нашу территорию.

Зимой 1939–1940 года идет война с Финляндией. В первое время газеты писали о скорой победе, но шли месяцы и поползли слухи о том, что наши войска несут большие потери. Победа все же была достигнута, но с поста народного комиссара обороны сместили Клина Ворошилова – героя гражданской войны. Фашистская Германия начинает покорять в Европе одну страну за другой, ее границы вплотную продвигаются к нашим. Об этом пишут и говорят осторожно. Правительство СССР старается не дразнить Гитлера, так как наша армия к войне пока не готова, хотя вся промышленность переведена на выпуск военной продукции, в связи с чем в торговле опять появились перебои с продовольственными и промышленными товарами и мы снова стоим в очередях.

О Красной Армии говорят как о непобедимой. Народ верит этому и гордится своей армией. В моде такие песни как «По долинам и по взгорьям», «Катюша», «Тачанка», «Там вдали за рекой», «Орленок», «Партизан Железняк», «Песня о Чапаеве», «Песня о Щорсе» и много других – все они патриотические, родные.

Воспитание в духе преданности своей Родине было поставлено на высоком уровне. В годы Великой Отечественной войны это сыграло немаловажную роль.

В те предвоенные годы старшие школьники, студенты, молодые рабочие и колхозники идут в кружки ОСОАВИАХИМ – общество содействия армии, авиации и химической защиты. После войны эта организация стала называться ДОСААФ. Ребята охотно шли в стрелковые кружки. Носить значок «Ворошиловский стрелок» было почетно, мы с завистью смотрели на тех, у кого он был прикреплен на груди,

В моде песенка:

- Возьмем винтовки новые

На штык флажки

И с песнями стрелковыми

Пойдем в кружки.

Девчата изучали санитарное дело. Началась массовая сдача норм на значок ГТО.

Служба в армии считалась почетной обязанностью, в нее шли охотно. Ребятам провозжали всей улицей или деревней с песнями. Из армии люди возвращались возмужавшими, более развитыми и грамотными, таких охотно брали на работу, ставили бригадами.

В армию в 1938 году в возрасте 21 года ушел и наш старший брат Владимир, живший у тетки в Пермской области, на выселение он не попал, так как в момент выселения жил не с родителями. Почти три года прослужил на Дальнем Востоке, а в 1941 году попал на фронт и погиб под Ленинградом.

В те годы нас привлекали рассказы о пограничниках. Пожалуй не было ни одного мальчишки, который не читал бы и не слышал о знаменитом пограничнике – Карацупе. Он со своим верным другом, собакой, задержал больше сотни нарушителей границы.

В эти предвоенные годы ребята Белогорского поселка буквально заразились игрой в войну. Мы отдавали этому развлечению очень много свободного времени, особенно осенью и зимой. Этому способствовала обстановка. К войне готовился, казалось, весь мир, об этом писали в газетах, в книгах, говорили по радио, показывали в кино.

Мы зачитывались книгами: «Чапаев», «Железный поток», «Как закалялась сталь», «Тихий Дон», рассказами А. Гайдара. Они были написаны просто и интересно, возбуждали в нас мечту о подвигах во имя Родины, будоражили наши умы.

Но далеко не все на поселке с удовлетворением принимали наши патриотические порывы в вопросах военной подготовки. Восстали женщины, наши же матери. Они пожаловались коменданту на то, что мы нарушаем их мирную жизнь и покой. Комендант поселка Токмаков объявил сбор «войск», чтобы сфотографировать бойцов с оружием и вообще в полной боевой.

В назначенное время собрались на площади с пулеметами, трещотками, винтовками, саблями и гранатами. Пришли все, даже те кто редко принимал участие в играх.

Токмаков построил нас в одну шеренгу, фотоаппарата при нем не было, и громко скомандовал:

– Оружие положить!

Мы поняли, что нас «предали» и кинулись в рассыпную.

Лето сорок первого года, началась настоящая война. Пройдет совсем немного времени и многие из наших ребят возьмут в руки настоящее оружие. У нас в школе, в феврале 1942 года, была организована, под руководством фронтовика-учителя военного дела, общешкольная военная игра.

Суббота. Завтра между «Синими» и «Зелеными» должен состояться бой. В игре принимают участие почти все ученики школы с 6 по 9 класс. Десятого класса пока в школе нет. Всего набирается до 200 человек. Подготовка ведется уже несколько недель. Все мы разбиты по взводам и ротам, назначены командиры. Чиним и готовим заново трещотки, гранаты, винтовки, есть и "станковые пулеметы" они установлены на коротких лыжах.

Я назначен командиром отделения и с одноклассниками 7 «б» в отряде наступающих. Мы «Синие». «Зеленые» в обороне. Вечером человек 100 собраны в клубе Белогорского поселка. Противник в клубе на Красном Урале. Здесь шум, крики, возня. Всем весело. Нас в одном месте, не считая школы, никогда еще столько не собиралось.

К ночи захотелось спать, многие из числа местных, запросились домой. Кое-кого из девочек отпустили, строго наказав к 6 утра быть на месте. Уснули поздно ночью, кто на полу, кто на стульях и на столах. Бодрствуют только дежурный и Дневальные, у двери клуба часовой, по улицам поселка ходят патрули.

В 6.00 раздается команда – Подъем! На туалет и завтрак дано 30 минут. Затем построившись у клуба по-

взводно цепочкой один за другим движемся через лес и кустарник в сторону окраины Красного Урала. Снег довольно глубокий, поэтому вперед высланы наиболее сильные ребята на лыжах. Наш командир роты офицер-фронтовик, Боря. В отряде два посредника, тоже из числа раненых фронтовиков. Командир у нас строгий, команды по-военному отдает громко и четко и мы поневоле вынуждены выполнять их тоже четко и быстро.

Командирами взводов назначены ребята и девчата из 9 класса.

На подходе к окраине «вражеского» поселка меня и еще двух парней посылают в разведку. Меня друг друга идем по целине, снега по колено, но надо спешить, идем молча, напряженно вглядываясь вперед и по сторонам. Рассвет уже наступил, контуры кустов и деревьев хорошо видны. Подходим к опушке леса. Дальше местность идет в гору, там клуб, который нам и предстоит взять. Осторожно выглядываем. Наверху хорошо видны окопы, они подковой идут вокруг клуба.

По возможности изучаем расположение противника. В окопах хорошо видны люди. Наступать нам придется в гору, по открытой местности. Закончив осмотр, быстро идем обратно и докладываем командиру роты.

Лейтенант собрал командиров взводов, дал распоряжение и отряд развернулся цепью в сторону противника. Интересно то, что все относится к этому очень серьезно, нет смеха и бестолковой возни, только короткие команды, даже самые болтливые молчат.

Выходим на исходный рубеж, на опушке леса, и лежа окапываемся. Все это уже на виду у противника. Там начинается движение, слышны команды, из-за бруствера окопов торчат только головы. В обороне хорошо поработали, окопы в снегу вырыли по всем правилам, с ячейками для пулеметов, ходами сообщения и даже с укрытиями. Из окопов торчат стволы винтовок и станковых пулеметов. Все как на войне.

По нашей цепи передается команда:

—Рота, внимание! Короткими перебежками вперед!

Эта команда передается в каждом взводе отдельно.

Вскакиваем, бежим метров 10–12, падаем, снова бежим.

Смотрю по сторонам. На белом снегу, как в кино, черные фигуры бегут, падают, снова бегут, стреляя из винтовок и пулеметов. С той и другой стороны яростно трещат трещотки (пулеметы).

На горе, в стороне от окопов, группа офицеров из военкомата, это посредники.

За 70–80 метров до окопов противника, как и было приказано залегли, и тут же последовала команда:

—Примкнуть штыки, приготовиться к атаке!

И снова команда повторяется по взводам и отделениям.

—Рота, в атаку, вперед!

Нас как ветром сдуло. Поднимаемся и с криками «Ура», винтовки наперевес, бежим к окопам Зеленых. На миг вспомнилось кино «Мы из Кронштадта», там матросы так шли на белогвардейские цепи.

С обеих сторон летят гранаты. Противнику с горы кидать удобнее, поэтому приходится увертываться чтобы не получить удар по голове.

Вот и Зеленые дружно поднялись и пошли в контратаку. Две «вражеские» цепи сталкиваются друг с другом. Знакомые не узнают знакомых и соседей по парте.

Кто-то больно тычет мне в живот палкой, это меня «колют» штыком, я разворачиваюсь и бью парня прикладом своей винтовки по плечу. Там и тут наиболее заядлые бойцы по два три человека катаются в снегу, кругом крики и ругань, редко кто молча пытается свалить противника в снег. Команды никто не слушает, командиры пытаются растащить дерущихся бойцов. Теперь уже трудно разобраться где Синие и где Зеленые.

На моей спине сидит здоровый парень и пытается скрутить мои руки за спиной, но сбоку на него налетел мой друг и сосед по дому Леня Кожевников и мы вдвоем начинаем молотить того по спине и бокам кулаками.

Наконец командирам и посредникам удается утихомирить обе стороны. Нас выстроили и после короткой разборки капитан из военкомата объявляет, что бой был как настоящий, подготовились и воевали все хорошо, поэтому победу и поражение не присваивать никому. Всем участникам объявили благодарность и в знак поощрения выдали по школьной булочке 50 грамм. Это мы восприняли особенно бурно, так как все проголодались, а дома далеко не каждого ждет обед.

Разборок и обсуждений по этой игре было еще очень много.

Прошли годы и десятилетия, но детские игры в войну остались в моей памяти навсегда.

Военные годы

Весной 1941 года обстановка в стране и за рубежом стала особенно напряженной. Это чувствовалось во всем. С февраля Германия начала переброску своих войск к советским границам. Беда приближалась к порогу нашего дома. Тогда Сталин сказал: «Войны нам наверное, не избежать, а к войне мы еще не готовы».

Но населению внушают, что Красная Армия непобедима и если враг нападет, то воевать будем на его территории. Мы бодро поем:

- "Если завтра война, если завтра в поход, Если темная сила нагрянет. Как один человек весь советский народ За любимую Родину встанет."

В воскресенье 22 июня проснулся поздно, вставать не хочется, заняться нечем. Для меня сейчас все дни – выходные, погода хорошая, солнечно, ничего не предвещало каких-либо событий или изменений в моей жизни и жизни поселка, на улице также безлюдно, только в сквере играют маленькие ребятишки.

После обеда пошел за хлебом на Красный Урал. За поселком навстречу бежит старший брат моего друга и одноклассника Мишки Зашляпина – Пашка. Парень задиристый и болтливый.

- Слыхал! – возбужденно еще издали кричит он. -Что?

- Война началась! Немцы на нас напали!

- Ну и что? Высыпят им и через неделю вся война закончится! – говорю я.

- Не знаю, что-то очень уж страшно по радио рассказывают. По всей границе они идут с танками на нас, наши города бомбят.

На Красном Урале в магазинах и на улице все разговоры только о начале войны. Лица у взрослых серьезные, некоторые женщины плачут, они хорошо помнят предыдущие войны и своим чутьем понимают что наступают тяжелые времена, придется терять близких им людей.

С этого дня жизнь на поселке круто изменилась. Мы вроде бы занимаемся тем же, чем и раньше: бегаем, играем, ходим в лес, в кино, но что-то стало не так. Люди посуровели, редко услышишь шутку или смех. Даже дети при- смирели.

– Опять германец напал. Народ серьезный, воевать умеют, – собираясь говорят мужики. Многие из них воевали с немцами в первую мировую, хорошо помнят ее, некоторые даже побывали в плену.

С первых дней начался призыв в армию. Сперва уходили взрослые парни и молодые мужики, недавно отслужившие в армии. Затем стали брать старшие возраста и молодежь, не нюхавшую еще пороха. Взрослых мужиков из числа выселенцев не брали, им все еще не доверяют. Призывников учат военному делу в центральном поселке. Занятия идут каждый день после работы.

С фронта поступают тревожные вести. По сводкам мелькают знакомые из географии города, районы и целые области, захваченные врагом. Фашисты прут и прут вперед и никто уже не говорит о войне на чужой территории. Появились сводки о действиях партизан в тылу врага, это как-то взбодрило народ.

Поселок наш притих и опустел. Ушли на фронт многие знакомые, постарше нас, ребята. С полок магазинов быстро исчезли продукты питания и промтовары, которых и в мирное то время не хватало. Трудно стало купить хлеба, хотя и давали его в одни руки не более двух килограмм, совсем исчезли масло, соль, сахар и многие другие продукты.

С 1 сентября 1941 года по всей стране введена карточная система на продукты питания и никто не думал, что отменят ее только осенью 1947 года. Иждивенцам норма выдачи хлеба установлена 400 грамм в день, служащим – 600, рабочим – 800, в горячих цехах 1 килограмм. У кого имелись огороды и скотина, те особенно не бедствовали, а на таких как мы, это сразу отразилось. Особенно в войну голодали эвакуированные из западных областей жители.

Не доедать нам приходилось с перерывами и раньше, но сейчас голод наступил на долгие годы. Пройдет много лет и я подсчитаю, что восемь лет своей жизни в молодости я голодал, то есть ложился спать впроголодь или совсем голодным. С этого момента я стал ложиться спать и вставал с единственной мыслью о еде, пока в ноябре 1944 года меня не взяли в армию. Там тоже первые 2–3 года сытым не был, но там не доедали все, и поэтому не было так тяжело и обидно. Здесь же одни были относительно сытые, другие голодные и чем дольше шла война, тем больше становилось вторых.

По вечерам по-прежнему собираемся где-нибудь в центре – у магазина или на завалинке дома, обсуждаем новости с фронта, которые удается услышать по радио или прочитать в газете, перечисляем кого взяли в армию, а кто

уже убит или лежит в госпитале.

Немецкий язык в школе преподавал немец по фамилии Дик. Учитель строгий, но грамотный и справедливый. Мы его боялись и в тоже время уважали. Его арестовали в первые же дни войны и больше о нем ничего не слышали.

В июле из Свердловска вернулся брат Толя. Он в июне, перед самым началом войны уехал на операцию с ногой, которая с детства болела и он сильно хромал. Но с первых же дней войны больницу, где он лежал, отдали под госпиталь и его с гипсом на ноге отправили домой. Через месяц Толя должен был поехать снова в Свердловск, где гипс обещали снять, а ногу проверить. Но денег на билет до Свердловска и обратно не нашли, лошадь, чтобы везти брата до станции я тоже не нашел, поэтому эту операцию мы решили провести сами дома. Толя лег на кровать, а я с ножницами в руках слой за слоем, стал сдирать с его ноги прогипсованный бинт. Его оказался целый ворох, который белой копной долго лежал у нас в меже на огороде.

Нога постепенно зажила. Осенью он решил сходить в кино на Урал, но упал на дороге и снова сломал больную ногу. Несколько месяцев пролежал сперва в больнице, а затем дома, не вставая, и я ходил за ним как за ребенком.

С 1 сентября, как обычно, я пошел в школу. Хлеб по карточкам. Качество его становилось все хуже и хуже, он тяжелел и кусок хлеба 400 грамм по объему резко сократился. Сахару в месяц давали по 200 грамм, немного крупы и рыбы.

Хлеб разрешалось выкупать по карточкам вперед не более как за два дня и всю войну такое опережение у меня стало нормой. Утерянная карточка не восстанавливалась и того, кто терял ее, или украдут у него, обречен был порой на голодную смерть, если не было других источников питания. Продуктовая карточка была дороже денег.

Жить становилось все труднее. Иногда мы с братом имели талон на обед в столовой. На первое блюдо обычно пустой суп из картошки и капусты или грибница, на второе пару ложек картофельного пюре, хлеба с обедом не полагалось. Я складывал первое и второе в котелок и нес домой.

На Белогорском поселке большинство мужиков-выселенцев осталось дома. Эти семьи обычно имели коз или корову, огород и поэтому такой голод, как мы, не испытывали.

Картошка на нашем маленьком, неудобренном огороде уродилась мелкая и мало. Мы ее съели до нового года. Отец работал чернорабочим, уезжал из дому на одну-две недели, зарплата низкая и он тоже голодал, к тому же у него начало болеть сердце. Мы про себя сильно жалели его, а он нас. После смерти матери ему в жизни сильно не везло.

За 3–4 месяца наш поселок сильно опустел. Производство перевели на 12-часовой рабочий день. Отпуска отменили. Жители как-то в раз постарели. Но мы по-прежнему надеялись на скорую победу. В народе говорили: «Вот подвезут войска из Сибири и Дальнего Востока и зимой немцев разобьют».

Половина ребят и девочек в нашем 6 "б" классе с Белогорского поселка. Классный руководитель Зинаида Григорьевна Трегуб. Она преподает физику. Это еще молодая, веселая женщина, ее муж на фронте и она одна сейчас воспитывает двух дочерей. Ей тоже трудно, но мы не видели ее хмурой и сердитой.

Через неделю после начала занятий, нас отправили в совхоз на уборку овощей. Сказали что едем на неделю, а пробыли там больше месяца. Все работы ведутся вручную. Совхоз небольшой, но богатый. Урожай выращивают по тем временам хорошие.

С первого года войны в совхоз стали ездить ежегодно, начиная с лета и кончая глубокой осенью.

Поселок Кардон, куда мы приехали, от Красного Урала километров 10–11. Расположен в лесу кругом тайга и горы, поля и покосы небольшие. Совхоз скотоводческий, поэтому выращивают в основном картошку, капусту, свеклу, турнепс, горох и овес.

Второй участок совхоза около Висима, там поля крупнее, туда тоже приходилось ездить или ходить на работу.

В совхозном клубе для нас построили двухъярусные нары, спим на голых досках, подстелив свое пальтишко, в голове своя же котомка. Некоторые привезли из дома старые одеяла и спят на них, им лучше. Натоплено жарко, так что укрываться не надо. Нас собирается человек 50–60, поэтому постельных принадлежностей на нас не наберешься. Ребята обычно ничего лишнего с собой не берут, а девочки тащат кое-какие вещи из спальных принадлежностей и одежды.

Никто не жалуется на жесткую постель и неудобства. Все понимают, что идет война, в тыл везут эшелонами раненых солдат, тысячи эвакуированных жителей, десятки детских домов, им надо помогать в первую очередь.

Никто из нас не страдает бессонницей, не ворочается с боку на бок. За день урабатываемся так, что еле ноги волочим. После ужина на нарах немного поговорим, обсудим свои немудреные дела, кто-нибудь подшутит над това-

рищем и спать.

Я доволен такими поездками. Не надо учить уроки, в коллективе одноклассников весело, норма хлеба 800 грамм, три раза горячее питание, значит целый день сытый. Но и нормы выполняем за взрослого, рабочий день 8 часов, пока норму не выполним классом, с поля не уходим. Никаких скидок на возраст нет. Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас жаловался на трудности или на болезни. Спецодежды, даже рукавиц нам не давали, об этом мы даже и не знали. Давали только лопаты и ведра, последние чаще всего тоже везли из дома.

На картофельном поле на два человека отводится два рядка и пошел. Парни копают, девочки собирают картофель в ведра и относят в гурты.

Труд тяжелый, к вечеру устаем, но работаем весело, подбадривая и подшучивая друг над другом.

В сухую солнечную погоду вообще хорошо, девочки запевают песни, мы подпеваем.

Зинаида Григорьевна часто работает вместе с нами, помогает слабым, подбадривает, шутит вместе с нами, рассказывает забавные истории. С утра раскладываем по полянке костер. Лес рядом и сушняк для дров там достаточно. Нагорает зола и мы зарываем в нее ведра два картошки. Через два часа работы у нас большой перерыв, печенки спели и мы, обжигаясь, уплетаем их вместе с поджаристой коркой и нет, кажется, ничего вкуснее на свете, чем эта картошка. Кругом тишина, рядом тихо шумит лес.

Зинаида Григорьевна рассказывает про Москву и Ленинград, где она побывала, какие там площади и дворцы, про Кремль и Мавзолей Ленина. Никто из нас дальше Нижнего Тагила не бывал, поэтому слушаем с интересом, фашисты рвутся к Москве и страшно представить, что будет, если они возьмут ее. С интересом слушаем рассказы про старателей-золотодобытчиков. Зинаида Григорьевна раньше жила на поселке Валерьяновский, у горы Качканар, где добывают золото и платину, рассказывает истории о жизни старателей, которые в одиночку и группами бродили по речкам и логам в поисках богатых мест, часто погибали в тайге от когтей хищного зверя или пули и топора такого же хищника-старателя, как и он сам. Край тот в тридцатые годы был глухим, куда редко ступала нога человека, о качканарской железной руде простые люди не знали.

При поездках в совхоз плохо в дождливую погоду, особенно в октябре месяце, а мы бывало работали до середины октября, чем дальше война, тем меньше становилось рабочих в совхозе, а продуктов стране требовалось все больше и больше и нас держали до осени.

Погода испортилась окончательно. Часто идут дожди. Сегодня долго не спим, а утром в семь часов надо вставать, в восемь выход на работу. Этот порядок строгий. Даже мы, 14–15-летние, понимаем, что идет война и лозунг: «Все для фронта» для нас не пустой звук.

На улице моросит мелкий, холодный дождь, на дорогах грязь и слякоть, а одежда ветхая, на ногах редко у кого старенькие сапоги, у многих и ботинки-то худые, ноги сразу промокают.

Вставать не хочется, все проснулись, но лежим тихо, молчим. Зашла Зинаида Григорьевна, подергала одного-другого за ноги.

- Спишь, Федя? – Федя молчит.

-И Володя Зорин спит, – шутя говорит она. Зашла на сцену и громко, весело кричит:

–А ну, орлы бесхвостые, курицы мокрые, подъем! – это ее любимое выражение так обзывать нас в шутку. Сегодня нам не до шуток, но и лежать дальше бесполезно. Нехотя встаем, бежим в туалет, плещем холодной водой в глаза из умывальника и в столовую. Снова в поле. Сегодня убираем турнепс. Он вырос крупный, ядреный. Подкопнув лопатой, выдергиваем и по 3–4 штуки тащим за ботву в кучи, там девочки обрезают ботву, корнеплоды складывают в большие гурты. Глина толстым слоем налипает на лопату, ноги с трудом выдираем из земли, они как чугунные, а норма прежняя, скидки на плохую погоду нет.

Перерывы в такие дни чаще, нас, как магнитом, тянет к костру. В конце дня подъехал верхом на лошади бригадир. У него нет пальцев на правой руке, поэтому в армию не берут, да и возраст уже подходящий. Мужик он не злой, дело свое знает хорошо и к нам относится с сочувствием. Подает мне мерку, с какой всю жизнь и везде ходили землемеры, и предлагает обмерять участок с которого за день мы убрали турнепс. Я замерял и докладываю:

- Длина 108, ширина 40. Бригадир смеется.

- Хитрый ты, парень! Длина тут 105, а ширина 38. Я здесь вырос, десятки раз все мной обмеряно и исхожено. Ну да ладно, хорошо поработали, молодцы. Так и запишем 108x40.

Совхозу от небольшой приписки вреда нет, за работу все равно нам ничего не платят, только три раза в день бесплатно горячим кормят, а это из совхозных продуктов недорогого.

После окончания всех работ в награду нам разрешают нагрузить свои сумки или котомки овощами. Берем обычно турнепс. Он хотя и предназначен для корма скоту, но свежий и сочный идет у нас вместо репы или калеги.

Домой нас везут со станции «Мителево» в вагончиках по узкоколейке, а иногда идем пешком, так что много не унесешь.

Учебный год начинается в середине октября. Учителя спешно наверстывают упущенное. Во время занятий с нетерпением ждем большую перемену. За 5–10 минут до звонка учитель отпускает дежурного в буфет. В перерыве тот приносит в кастрюле густую кашу и на каждого ученика по булочке из чистой, хорошей пшеничной муки, она весит 50 грамм. Каши по три ложки раскладывают каждому на бумажки, тарелок нет. Содержимое проглатываем моментально. У кого дома есть огород и тем более корова, тем легче, а таким как я и эвакуированным ребятам тяжело, чувство голода никогда не проходит. Булочку и кашу нам дают бесплатно.

Взамен Дика немецкий язык у нас ведет учитель по национальности эстонец. Он эвакуирован из Прибалтики. Это пожилой, высокий ростом рыхлый, исхудалый и беспомощный человек, слабый характером, двойки нам никогда не ставит, как и все учителя хлеба по карточке получает 600 грамм в день. Учитель от голода тает на глазах и мы в классе решаем выделять ему порцию каши и если кто отсутствует на занятиях отдавать ему булочку. Учитель с благодарностью принял нашу помощь, в большую перемену приходит к нам в класс и вместе с нами съедает свою порцию. В школе все знают об этом и воспринимают как должное, никто не упрекнет и не подсмеивается над ним. Некоторые из обеспеченных семей стали приносить ему картошку и другую еду. Человек буквально был спасен от голодной смерти.

В перерывах обсуждаем дела на фронте, у большинства ребят отцы или братья там, в окопах. Нет ни одной семьи, которую бы не затронула война. В декабре сорок первого года радуемся победе наших войск под Москвой, но к лету вместе со всей страной переживаем новое наступление немцев вглубь нашей страны, а похоронки и извещения о пропавших без вести все идут и идут.

Поселковый Совет Красного Урала невелик, но уже в 41 году за 6 месяцев погибло и пропало без вести из него 103 человека, за весь 42 год – 108, за 43-й – 79, за 44-й – 50 и за 4 месяца с небольшим 45 года – 26 человек.

Зимой сорок второго года под Ленинградом погиб мой брат Владимир – колхозный счетовод, политрук роты. Примерно в то же время попал в плен старший брат Федор – учитель географии. После войны он вернулся домой.

Немцы продвигаются вперед, но в тылу паники нет, люди не теряют веру в победу и трудятся с удвоенной силой.

Воровства, бандитизма и просто хулиганства в поселках нет, по улицам можно свободно гулять посередине ночи, так как дисциплина кругом жесткая, за любые незаконные поступки судят и сажают в тюрьму безжалостно. Жители по ночам по очереди дежурят на улицах поселка.

На производстве работают по 10–12 часов, часто без выходных и отпусков.

Цены на базаре в Нижнем Тагиле очень высоки – ведро картошки и булка хлеба 400–500 рублей, это средний заработок рабочего.

За прогулы на работу тюрьма, за опоздание судят и дают 25% удержания заработной платы в течении нескольких месяцев.

Мой сосед Витька Пашин после ремесленного училища работал на заводе в Нижнем Тагиле. Осенью сорок первого заболел и с больничным листом приехал домой. Через два дня больничный кончился, надо выходить на работу. Вечером он зашел ко мне и попросил ручку с чернилами:

–Зачем тебе?

–Хочу подправить больничный. Видишь тут написано цифрой, что мне на работу одиннадцатого, а поставлю четырнадцатого.

- Заметят ведь?

- Не заметят, единицу на четверку исправить легко.

И он исправил. Но подделка была обнаружена, Витьку судили и отправили в колонию. Через пару месяцев родителям сообщили, чтобы на станции Урал они встречали сына на лошади, так как сам он двигаться не может. Ночью отец привез его больного, голодного и чуть живого домой. Родители закололи телят, откормили его молоком, картошкой и мясом. К лету поправился, его устроили на работу электриком, но работать у него желания не было, снова совершил прогул и снова грозила тюрьма из которой он едва ли выбрался бы живым. Кто-то посоветовал добровольцем пойти в армию и на фронт. Выбора не было, или тюрьма и голодная смерть, так как здоровье подорвано и второй раз такого испытания не выдержать, или если придется, то погибнуть «со славой» за родину, а

может повезет и вернется домой живым. Выбрал последнее, ушел служить в армию. Осенью из воинской части приехали двое: офицер и сержант – ищут Витьку как дезертира. Дома не нашли, но «гулял» он не долго, поймали и отправили на передовую. Вскоре пришло извещение о том, что пропал без вести.

Зимой плохо. Учимся во вторую смену. Прихожу из школы в пустую квартиру. Кроме металлической койки, заправленной барахлом, самодельного деревянного стола, умывальника, скамейки и старого родительского сундука ничего нет. На окнах нет даже маломальских занавесок. В комнате холодно, дров нет, камин топлю наскоро собранными щепками, сучками или снятой с изгороди жердью. На ужин оставлен кусок хлеба грамм 150. Хорошо хоть сегодня днем, перед школой повезло, соседская девчонка Лида ушла учить уроки к подруге, а ее мать собралась в магазин. Я проследил через окно как она скрылась за углом соседнего дома, быстро забежал с чашкой на кухню. На шестке стоит горшок с супом, черпаю пару поварешек со дна погуще, в замен доливаю столько же чистой воды, чтобы незаметно было. Похлебал, мало конечно, но все же что-то есть. Перед сном одно удовольствие – интересная книга. Уроки учить на пустой желудок не хочется, а книги читать можно, они отвлекают от постоянной заботы о куске хлеба. Книги мне заменяют многое, обогащают мои знания и мою память. Им я благодарен за то, что смог достичь в жизни.

В начале лета 1942 года отец работал на лошади. Где-то на полянке в лесу привязал ее к колоде, чтобы она могла пощипать молодую, чуть появившуюся траву, а сам отлучился. Голодная, чуть живая после зимы, кляча запуталась в сбруе, упала и задохнулась на уздечке.

Отцу пришла повестка в суд. Он собрал узелок с чистым бельем, попрощался со мной и промолвил:

– Посадят меня, как жить-то будете?

В то время угодить в тюрьму за погибшую лошадь, даже за такую клячу, как эта, можно было запросто. Но отца не посадили, а только присудили оплатить стоимость лошади.

Летом 1943 года комендант направил отца с группой таких же выселенцев в Нижний Тагил работать на военном заводе. Работа оказалась тяжелой, питание плохое, организм истощен голодом и болезнями, а возраст уже за пятьдесят. Он унес на базар последний старенький костюм, нажитый еще в деревне до выселения, продал его, но не успел купить хлеба, как деньги тут же на базаре украли. Чуть живой вернулся в общежитие, сердце не выдержало и он в тот же день умер. Таким образом за короткий период я потерял сразу троих самых дорогих мне людей.

После увольнения из армии, в 1951 году, я заехал в Нижний Тагил и пытался найти похоронную на отца. В поисках какой-либо записи обошел три загса, но нигде никаких следов не обнаружил. Одна пожилая женщина, работница загса сказала, что если у отца при смерти не было никаких документов и родственников, то его ночью увезли вместе с другими трупами на машине за город, сбросили в заранее вырытую яму-могилу и закопали безо всякой записи. Таких захоронений в Нижнем Тагиле во время войны были тысячи. Особенно много умирало от голода и болезней людей из среднеазиатских республик, взятых в трудовую армию, многие из них умирали прямо на улице.

Летом 1942 года фашисты снова продвигаются вглубь нашей страны, гибнут сотни тысяч наших бойцов и мирного населения. Через десятки лет будут называть 27 миллионов погибших в войну советских граждан, в том числе 11 миллионов воинов Советской Армии и флота. Но тогда о количестве жертв и пропавших в плен мы не знали. Кратко сообщали о сданных городах, об отдельных успехах на фронте, о действиях партизан, и надо сказать, что паники в тылу не было, здесь установлена жесткая дисциплина, ответственность всех и за все. Иногда ведутся разговоры о дезертирах. Их мало, но изредка появляются. Эти люди обычно бегут в родные края, где все знакомо и где найдутся сердобольные родственники, которые если и не приютят, то хотя бы помогут куском хлеба.

Дезертиры появляются обычно летом, скрываются в лесах, строят там землянки или шалаши, воруют мелкий скот, лазают по огородам и страшно боятся быть пойманными, так как это грозит расстрелом и в лучшем случае штрафным батальоном.

Домой с фронта возвращаются только калеки. Такими вернулись и мои друзья детства – Михаил Трапезников без обеих ног, его двоюродный брат Иван, раненый в голову, Африкан Ременников без одной ноги, а многие из знакомых ребят вообще пропали без вести. Таких только по нашему Красноуральскому поселковому совету в сорок втором году было 53 человека из ста восьми погибших.

На Красном Урале поселился молодой парень – Гриша. Он в военной форме, вооружен стареньким наганом. Его называют осодмильцем или особмильцем, точно не помню.

Гришина задача ловить дезертиров и всякого рода беглецов из лагерей и из трудовой армии и вообще следить чтобы на близлежащих поселках не появлялись незнакомые подозрительные лица. Он выбрал, по-видимому, самый правильный метод работы – сплотить вокруг себя подростков, которые всегда и все знали. Гриша часто стал по-

являться у нас на Белогорском поселке. Общительный, веселый, побывавший уже на фронте парень, быстро сумел завоевать авторитет среди подростков и вскоре около него образовалась группа наиболее бойких ребят.

Зная что мы часто пропадем в лесу и в горах, он просит присматриваться, не появится ли где незнакомый человек, шалаш в лесу или просто свежее пепелище от костра.

Однажды теплым июльским вечером Гриша предложил вместе с ним совершить прогулку по ближайшим покосам где появились стожки сена, в которых могут ночевать чужие люди.

Вооружившись длинными палками, группа ребят 4–5 человек, во главе с Гришей, отправилась в лес. Было уже довольно темно когда подошли к первой, огороженной изгородью, копне сена. Немножко страшновато, вдруг кто пальнет оттуда? Гриша первым подошел с наганом в руке к сену. Мы тихо окружив копну, по сигналу, дружно начали шуровать палками, но копна, как и другие стожки и копны на соседних покосах, оказались пустыми.

Такие вылазки проводились еще не раз, но всегда безуспешно, в наших краях о дезертирах не было слышно, а может быть они умели хорошо прятаться или их вовремя предупреждали.

Над нашими неудачными рейдами на поселках стали подсмеиваться.

Наступил август, самое благоприятное для меня время. Одежды, кроме рубашки и штанов, не надо. Желудок набить есть чем. Сегодня проснулся рано. Лучи солнца ярко светят в окно. Вставать не хочется, но надо. Денег нет даже на то, чтобы выкупить пайку хлеба, а кушать хочется. Выход один – взять туесок и пойти в лес за малиной, затем стаканами продать ее на Урале и, таким образом, на несколько дней, обеспечить себя финансами. В годы войны цены на продукты и товары оставались довоенными. Зарплата тоже не изменилась, хотя на базаре в Тагиле все страшно подорожало.

Слово инфляция никто тогда не знал и не слышал даже о нем.

Быстро встал, поплескал водой на лицо и готов. Завтрака не будет, так как съестного в квартире ни крошки.

На улице женщины выгоняют коз и коров на пастбище, оживленно обсуждают свои дела. Мужики и взрослое население спешат на работу.

До Белой горы, куда я направился, ходьбы всего 15–20 минут. По дороге съел пару горстей кисловатой, но спелой жимолости, пару грибов-сыроежек, срезал и съел несколько молодых пиканов, выкопал саранку – маслянистая вкусная луковица. Сытым не стал, но голод обманул и настроение поднялось. Поднимаясь в гору обернулся, с тропинки в кусты метнулось синее пятно:

– Ясно! Тоня решила выследить куда я хожу по малину. Глупая, не понимает что на горе масса таких местечек, где растет малина, просто надо ходить и искать их. Конечно отдельные места я хорошо знаю и с пустым туеском никогда не возвращаюсь. Вот и сегодня за россыпью камней нашел нетронутые ягоды. Довольно быстро набрал полный туесок, даже потряхнул слегка его, чтобы больше ушло, наелся спелых сочных ягод досыта и обратно на тропу. Насвистывая, и мечтая о том как удачно продам ягоды, спускаюсь по крутой тропинке, выходящей между кустов и крупных камней. Все время приходится смотреть под ноги иначе налетишь на камень или оступишься в расселину, а у меня в руках полный туесок с ягодами и надо беречь, чтобы они сильно не помялись. Вдруг прямо перед глазами появились чьи-то ноги. Испуганно поднял голову и обомлел. Передо мной высокий, худощавый, обросший щетиной мужчина лет 30–35. Ботинки и одежда сильно поношены, мое внимание привлекла полосатая арестантская курточка. На меня в упор смотрят серые глаза незнакомца. От быстрой ходьбы в гору он тяжело дышит, постоянно оглядываясь по сторонам и назад себя.

– Малчик, вохин гэт диезе взг? – указывая на тропу спросил он, мешая русские и немецкие слова.

– Это ведь тот беглый немец, о котором только вчера говорил Гриша! – подумал я. Он убежал из лагеря для военнопленных, расположенного где-то около Нижнего Тагила.

В школе мы изучаем немецкий язык, я его знаю очень плохо, но здесь не трудно было догадаться о том, что спрашивает немец.

– Куда ведет эта дорога?

– На камень, – ответил я робко. Вершину Белой горы с огромной скалой мы просто называем камнем.

Немец явно не понял, меня, вопросительно посмотрел и снова спросил:

- Хает ду эссэн? Брот?

- Нет, у меня ничего нету кроме ягод, – ответил я, поняв что тот спрашивает насчет хлеба. Немец, оглянувшись еще раз назад и не сказав больше не слова, быстро пошел в гору. Я же, постоянно озираясь на него, поспе-

шил с горы и вскоре увидел спешащих мне навстречу Гришу и еще одного военного с карабином за спиной.

- Костя, привет! Никого не видел тут?

- Видел! – и я рассказал про незнакомца, стараясь не пропустить подробностей.

–Ищи ветра в поле! – проговорил военный. – Без собаки здесь не обойтись. Горы и лес кругом. Давай отдохнем, не специалист я по горам бегать.

Оба они тяжело дышали, а гимнастерки были мокрые от пота. Гриша согласился и тут же спросил у меня:

- А ты что тут делаешь? Что у тебя в туеске?

- Малина.

- Угости.

Я замялся, жалко так просто отдавать ягоды, но и не хочется показаться перед военными жадным. Выручил Гришин напарник.

–Махнем. Ты нам малину, а мы тебе полбуханки хлеба. Согласен?

Я даже не поверил, что мне вдруг предлагают за ягоды, которых кругом полно, полбуханки хлеба, которого мне хватит на целый день, а пайку можно оставить на завтра.

–Согласен! – обрадовано ответил я и поставил перед ними туесок с ягодами.

Гриша достал из солдатского вещмешка буханку хлеба, половину отрезал и отдал мне, а вторую половину разрезал на куски.

Ладно, фриц никуда не денется, где-нибудь все равно поймут, через всю страну, не зная русский язык, незаметно не пройдешь, на станциях, по дорогам и в населенных пунктах патрули, да и народ не упустит незнакомца.

- Садись с нами, парень, – пригласил меня солдат.

Я уговаривать себя не заставил и туесок малины вместе со второй половиной буханки были быстро съедены.

Парни двинулись в гору, а я, немного подумав, решил снова набрать ягод хотя бы полтуеска, чтобы не возвращаться пустым. Ярко светило солнце, дул легкий ветерок, кругом зелень и серые камни, а у меня отличное настроение.

Немца здесь не поймали. Позднее я не раз спрашивал у Гриши, что слышно о нем, но тот отвечал, что фриц исчез бесследно.

Осень сорок второго года прошла в совхозе. Зимой как обычно учеба в школе, кончаю восьмой класс. В июне 1943 года, ребят окончивших восьмой и девятый класс, то есть, возраста 15--17 лет, с нескольких районов области собрали в Нижнем Тагиле на военные сборы. Нас поместили в большом двухэтажном здании школы на горе, за прудом. Рядом заброшенная церковь, ее хорошо видно из города.

Разбили по взводам и ротам. Дали старые матрацы, набитые соломой и такие же подушки, одеял и простыней не было, спим на них вповалку на полу. Это не так уж и плохо, хуже с питанием. С утра до вечера голодные, а гоняют нас с 6 утра до 23 вечера, как настоящих солдат, целый день все строго по расписанию: подъем, физзарядка, скудный завтрак, затем обычно тактические занятия – бежим в наступление, окапываемся, с криками «Ура» идем в атаку. Пот застилает глаза, рубашка взмокла; хорошо еще что винтовки и гранаты деревянные.

После обеда строевая и физическая подготовка, изучение материальной части оружия и политзанятия. К вечеру страшно устаем, но после ужина не смей лечь на матрац до отбоя, то есть до 11 часов, опять придумывают какие-либо мероприятия.

В соседнем взводе ребята с Висима, отпрыски старых старательских семей, родители и деды их и сейчас работают на старании. Ребята приехали с котомками набитыми сухарями и стряпней. После отбоя, укрывшись одеялом хрустят и чавкают, еще больше разжигая наш аппетит. Иногда их котомки грабят наиболее бойкие ребята из Нижнего Тагила, а мы ненавидим тех и других, одних за жадность, других за воровство.

Утром санитарная проверка. Санинструктор роты проверяет на вшивость, он роется во швах наших рубах и штанов. Каждое утро несколько человек выводят из строя, у которых нашли насекомых, и отправляют на железнодорожную станцию в санпропускник. Там их одежду прожаривают и выдают соответствующую справку. В годы войны на всех крупных станциях работали такие пропускники, через которые ежедневно проходили сотни людей. Эта мера предосторожности очевидно сыграла в войну большую роль. В голодной стране в страшные военные годы не было эпидемий и заразных заболеваний.

Во время сборов ко мне зашел отец, его направили через комендатуру для работы на военный завод. Здесь я его увидел в последний раз, через пару месяцев, не выдержав тягостей жизни, он умер.

Через месяц, усвоив азы военного дела, мы вернулись домой. Передо мной встал вопрос – как жить дальше? Что делать? Средств к существованию нет. Мне не у кого даже было спросить совета. Брат и сестра живут в Пермской области и тоже бедствуют. Родителей нет. Выход один – пойти куда-либо работать. Так я и решил.

На этом мое детство окончилось. У нас с братом оно было тяжелым. Часто приходилось ломать голову над тем, где достать кусок хлеба или денег, чтобы купить самую дешевую рубашку, штаны и ботинки.

Я часто задумываюсь над тем, было ли оно таким уж плохим, как некоторые говорят о себе: «У меня не было детства, так как мы жили плохо». Я так о себе не думаю, так как оно не было безрадостным. Его прелесть состояла в том, что я был свободен в своих действиях. У меня много было друзей, оно было бурным, прошло среди природы: красивые Уральские горы, леса, реки. С благодарностью вспоминаю школьных учителей, хотя и приносил им немало огорчений, вспоминаю свой поселковый клуб, библиотеку; в жизни я многому обязан именно книгам, их я любил и они учили тогда нас только хорошему.

Мы жили в бурные, напряженные предвоенные годы, полные интересных событий и это тоже наложило отпечаток на мое становление.

Холод и недоедание не отразилось на моем здоровье, а может быть наоборот способствовало его укреплению. Я рос не изнеженным, совершенно не требовательным к особым условиям жизни. На всю жизнь я полюбил спорт, этому немало способствовала и служба в армии, хотя и не был разрядником и не имел особых успехов, но лыжами и плаванием увлекался до старости.

Заканчивая эту главу, невольно вспоминаю выдержку из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»:

*Мать - земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?
Детства день, до гроба милый
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.
Это про меня.*

На поселке Кардон

В июле пошел устраиваться на работу в совхоз. Кардон – центральная усадьба совхоза, в двенадцати километрах от Красного Урала, вокруг сплошные нетронутые леса и только вокруг поселка небольшие поля и покосы.

Я не поехал искать счастья в город, так как надеялся что в сельскохозяйственном предприятии будет лучше с питанием, значит легче прожить, но ошибся. Зимой здесь совершенно нечем поживиться, а зима на Урале длинная.

В общежитии нас жило шесть человек. Люди совершенно разные по характеру и по национальности. Молдаванин Бузан попал на Урал в 1940 году после присоединения к СССР западной Украины. Это человек пожилого возраста, неряшливый, вечно брюзжащий, собирал всякие отбросы и вечером варил их на ужин. Еще один молдаванин лет сорока, этот был наиболее культурный и развитый чем Бузан. Далее эвакуированный из Одессы бывший моряк, лет под 60, по фамилии Костин. Его судьба печальная. Когда-то он был сильным, крепким моряком, много повидал и рассказывал о морских походах по морям и океанам. Осенью 1941 года вместе с другими эвакуированными одесситами, с женой и дочерью отплыли от Одессы не более 2–3 километров, когда налетели фашистские стервятники, корабль разбомбили и он пошел ко дну. Жена и дочь утонули, а сам он сумел выплыть на берег. Помочь своим близким ничем не мог, так как творилось невообразимое и он в первые же минуты потерял их из виду.

Вскоре Костин с другим кораблем покинул город и оказался на Урале. Это человек спокойный, рассудительный и трудолюбивый. С ним интересно было побеседовать о прошлой жизни.

Четвертым был еврей Абрам, фамилию его не помню, ее мало кто и знал. Все его просто называли Абрамом. Человек он пожилой, какой-то забитый, над ним подшучивали все кому не лень, В 1944 году, когда освободили от немцев его родные края, он все время ждал вызов на родину, или как он постоянно повторял «изов», который должна

была сделать его сестра, уехавшая на родину раньше его. Перед ее отъездом Абрам отдал ей все свои сбережения, но сестра не только не слала ему вызов, но даже не писала письма.

Пятым с нами жил Сенька, парень лет четырнадцати. Его мать зимой посадили на полтора года за то, что с другой женщиной в соседнем колхозе из овощехранилища украли четыре ведра картошки, но далеко на санках увезти не успели, их поймали и отдали под суд. Несмотря на то, что у Сенькиной матери было двое малолетних детей, ее посадили. Малолетнюю дочь отдали в детдом, а Сенька стал работать в совхозе.

Первое время я пилил дрова для управления, пас телят и выполнял другие мелкие подсобные работы. Через пару недель отправился на выходной день на Белогорский поселок, где и узнал о смерти отца в Нижнем Тагиле.

Этот город в военные годы был одним из самых голодных и несчастных городов в тылу страны. Таким он оставался и после войны на долгие годы. В магазинах всегда были нехватки продуктов, на улицах процветало воровство и хулиганство, над городом от множества заводских труб круглосуточно стояли облака выбросов газов всех цветов радуги.

Весной того же 1943 года брат Толя, не получив расчет на заводе, где он работал, бежал из Нижнего Тагила. Бежать решил не прямо по основной железной дороге поездом Нижний Тагил – Пермь, а окружным путем, на попутном транспорте, а где и пешком, так как здесь было меньше патрулей и милиции и реже проверяли документы. В деревне Пашур, Пермской области, в колхозе, его приняли без документов. Жить поселился у родной тетки, где раньше жил наш брат Владимир.

Осенью в совхозе мне жилось в отношении питания не плохо. Помаленьку таскали с полей картошку, капусту, морковь и были сыты. В сентябре, как обычно, здесь появились школьники, в том числе и бывший мой класс во главе с Зинаидой Григорьевной. Класс поредел, двоих, в том числе и моего друга Ленку Кожевникова, взяли в армию, некоторые ушли работать,

Зинаида Григорьевна увидела, чем я занимаюсь и попросила директора совхоза дать мне работу полегче и в тепле. Вскоре меня взяли в контору счетоводом. Работа легкая, чистая, но сразу урезали хлебную карточку с 800 до 600 грамм, а без приварка молодому, растущему организму человека это очень мало, к тому же хлеб далеко не лучшего качества. Организм требовал пищи, а ее катастрофически не хватало. Можно лечь спать голодным день, два, неделю, месяц, но при недоедании из года в год последствия будут плачевными.

С наступлением поздней осени и зимы недостаток пищи я восполнял чаем, вернее кипяченой водой без сахара и без заварки. Это и погубило меня. Позднее уже я узнал, что при недостатке пищи нужно как можно меньше употреблять воды, иначе может случиться беда, что и случилось со мной весной 1944 года. У меня с голоду начали пухнуть ноги и если бы опухоль дошла до груди, то сердце перестало бы биться. Спасла весна. Началась посевная компания и появилась возможность кое-где достать несколько картофелин, горсть гороха, а затем в лесу появились пиканы, дикий чеснок, грибы и я был спасен.

Осенью того же 1944 года в совхоз из механического цеха на работу временно был послан бывший мой соученик Павел Басов. Его отец погиб на фронте, мать полуграмотная простая женщина с трудом воспитывала троих детей. Павел был старший. Жили плохо и он, бросив учебу в школе, пошел работать.

В совхоз Павлика послали на неделю. Хлебной карточки оставалось еще на две недели и он, надеясь на скорое возвращение домой, ежедневно хлеб выкупал за два дня.

Павлику дали лошадь с телегой и поручили перевозить на станцию Мителево за четыре километра подмороженные уже вилки капусты. Хлеб по карточке был съеден, в обед в столовой жидкий суп и несколько ложек картофельного пюре, вот и вся пища. Домой без замены не отпускают. С детства он был воспитан добросовестным и послушным, поэтому самовольно не мог бросить работу и сбежать домой. Кроме того это грозило быть отданным в военное время под суд, а скромность не позволяла пойти к начальству и сообщить, что он вот уже несколько дней не имел во рту крошки хлеба. И он начал питаться одной капустой. Туда едет грызет вилок, обратно едет – второй вилок. Несмотря на молодость силы таяли, помощи ждать неоткуда, дошел «до ручки». Через неделю все же отпросился и пешком отправился домой.

Первые 4–5 километров прошел сравнительно быстро и легко. Во встречном поселке решил попросить хотя бы пару картофелин, но миновал последний дом и не осмелился.

Ладно, дойду до Первомайского поселка, там знакомые живут, попрошу что-нибудь. Ноги уже слушались плохо. Вот и Первомайский. До дому осталось два-три километра. Стало заметно темнеть. Прошел и этот поселок, опять постеснялся попросить, не нищий ведь.

- Дойду! Вон уже огни Красного Урала видны. Но тут поскользнулся и упал.

—Отдохну пару минут, — решил он. Лежать оказалось даже приятно. Глаза сами собой закрылись. Услышал вдруг голоса матери и соседок. Они о чем-то весело говорили и смеялись. На миг память просветлела и понял что бредит.

—Я замерзаю! Надо встать и идти, иначе умру тут!

Попробовал опереться и встать, но руки и ноги провалились в пустоту. Сообразил что лежит на спине и пытается опереться о воздух. С трудом повернулся на живот, встал на четвереньки, поднялся на ноги и как пьяный пошел. Дома переступил порог и упал. Мать, всплеснув руками, запричитала:

—Да где ты, Паша, так напился?

Но старшая из сестер склонилась над ним и крикнула испуганно:

—Мама, он не пьяный! У него глаза мертвые!

Выходили парня, дали отдохнуть неделю и снова пошел на работу. С детства был подвижным, физически развитым, компанейским. Друзья и одноклассники любили его. Павлик любил ходить на лыжах и играть в футбол. В армии играл в футбольной команде дивизии и охотно занимался другими видами спорта. После службы вернулся в родной поселок и снова пошел работать в цех слесарем.

После войны и всяких невзгод все стало складываться хорошо, жизнь текла спокойно. Зимой 1954 года вызвали вдруг в райком комсомола. До Висима на лыжах добежал быстро. Секретарь райкома пригласил в кабинет и безо всяких предисловий сообщил что решением райкома, комсомолец Басов Павел направляется на работу по месту жительства учителем физкультуры в среднюю школу. Спорить было бесполезно.

- Ладно, — решил он — год-два поработаю, а там видно будет. Не думал Павел, что всей душой и сердцем прикипит к новой работе. Днем занятия, вечером секции, в воскресенье различные соревнования. Летом с учениками походы в горы или на плотках по Чусовой. Зимой усиленно тренировал школьников ходьбе на лыжах.

- Жить на Урале и не уметь ходить на лыжах. Позор! — говорил он.

Все чаще Павел Георгиевич с учениками стал присматриваться к Белой горе. Ее высота манила и привлекала к себе. Начались лыжные походы на ее склоны, стали забираться все выше и выше. Появилось желание по настоящему овладеть горнолыжным спортом. Встал вопрос о разрубке трассы, а затем о строительстве механизированного подъемника. Сколько все это стоило трудов, а затем и радости от результатов своей работы! Первыми помощниками и первыми спортсменами этого вида спорта стали дети и внуки бывших выселенцев, проживающие на Белогорском поселке.

Но это будет потом, после войны, а сейчас идет 1944 год, в котором я едва не умер с голоду. Весной осмелился и пошел к главному агроному совхоза Крюкову Сергею Михайловичу, он по существу был хозяином совхоза, так как директора менялись часто, хуже разбирались в сельском хозяйстве, а Крюков был высококвалифицированным специалистом, очень грамотный, культурный, обходительный человек, у людей пользовался большим авторитетом. Думаю что таких руководителей в те годы в сельском хозяйстве было немного и не даром после войны его перевели работать в областное сельхозуправление.

Я сказал Сергею Михайловичу, что сильно голодаю и попросил выписать мне что-либо со склада из продуктов. Он написал записку на двадцать литров молока и я каждый день брал по одному литру. Это не спасало меня от голода, но все же что-то было.

Однажды в весенний выходной день, меня позвали пилить дрова Стихины. Сам он работал кладовщиком в совхозе, его жена вела домашнее хозяйство. Стихины тоже были из числа выселенцев Белогорского поселка. На Кардон приехали по направлению коменданта и были под его надзором. Они жили хорошо, Имели большой огород, корову, а главное все склады были в его распоряжении, и от него в какой-то мере зависело руководство не только совхоза, но и прииска и района, хотя не думаю, что они этим знакомством сильно злоупотребляли, так как было опасно. Стихин же был умный, грамотный человек и все делал законно. В последствии его тоже перевели куда-то с повышением.

Дрова пилили недолго. Хозяин понял что я быстро устаю и пользы от меня мало. У Стихиных было двое парней. На Белогорском поселке я с ними дружил, старший — Рафка — веселый, компанейский парень ушел на фронт и вскоре погиб. Младший — Венька на год помоложе меня, работал или учился в Тагиле, парень подленький, вороватый, связался со шпаной. Когда жили еще на Белогорском, а его родители уже на Кардоне, он продал или проиграл в карты хлебную карточку, а родителям сказал что украл у него я. Мать разнесла это по поселку, но за меня заступилась сосед-

ка Надежда Васильевна. Она хорошо знала что и сколько я ем, продавец в магазине тоже сообщила что лишнего по карточке я не выкупал. С тех пор я невзлюбил этого парня и его мать. Жил я плохо, но на такую подлость и никогда не мог пойти.

Сейчас Стихина, по-видимому, решила загладить свою вину или просто выбросила из головы тот случай, тем более что я работал счетоводом, а в сельской местности для молодого парня это было почетно и здесь я ничем себя не запятнал.

Хозяйка позвала меня в дом, посадила за стол и поставила передо мной полную тарелку пшеничных блинов с маслом. Я и до войны-то их не помню когда ел, а тут, как в сказке, скатерть-самобранка.

–Ешь, Костя, досыта, – сказала она.

Я съел, как мне показалось много, не наелся, но стало стыдно, что долго сижу, встал из-за стола и поблагодарил. А вечером уже раскаивался что не наелся досыта.

В конце апреля сошел снег и мы на полях собирали прошлогоднюю сгнившую картошку. Она была черная, но крахмал в ней сохранился и испеченная лепешками на плите была вкусной.

Перед этим, в марте-апреле у меня с голоду начали пухнуть ноги, спасла весна и я выжил.

Летом меня перевели счетоводом в Висимское отделение совхоза. Заведующий отделением передал мне хлебные талоны и списки временно работающих людей из числа школьников, домохозяек, инвалидов и т. д. Он дал указание выдавать талоны на двести грамм ежедневно, каждому проработавшему в совхозе целый день, то есть восемь часов.

Окончился очередной календарный месяц и я пошел в госбанк со списками этих рабочих и остатками талонов. Там все тщательно подсчитали, выявили недостачу и меня задержали.

По тем временам меня должны были судить после чего неминуемый арест и тюрьма. Сообщили начальнику отделения совхоза, он тотчас приехал в госбанк. Это был раненый фронтовик, боевой заслуженный командир Красной Армии. Вся вину он взял на себя, пообещав завтра же отчитаться, так как якобы еще один список остался у него в столе.

В конторе мы составили список на недостающие талоны, попросили расписаться первых попавших людей и таким образом, я отделался легким испугом, но впредь стал очень тщательно вести эти дела.

К лету я совсем обносился, брюки мои катастрофически стали расползаться и уже не поддавались ремонту. С трудом скопив немного денег я решил поехать в Нижний Тагил и купить что-либо подходящее.

В ночь на воскресенье поездом по узкоколейке отправился в город.

Базар шумел тысячами голосов, люди толкались, кричали, спорили. Я долго ходил и наконец купил поношенные, но еще довольно крепкие брюки за двести рублей. Это был мой месячный заработок. Осталось тридцать на дорогу и на жизнь до следующей полочки. Брюки я решил тут же переодеть в пустом сарае на краю базара. Быстро скинул и забросил в угол старые и одел новые. Только застегнул пуговицы как меня окружили три парня лет 15–17. Один из них, по-видимому старший, подергал рукой за мою обновку и, улыбаясь, спросил:

- Что штанишки купил?

- Да. – отвечаю я, предчувствуя неладное.

–И сколько же ты отдал за них?

–Сколько надо столько и отдал. Свои не чужие.

Второй парень вдруг ловко засунул руку в карман моих брюк и вытащил оставшиеся деньги. Я схватил было его за руку, но третий крепко обхватил меня сзади. Деньги передали старшему. Тот пересчитал мятые бумажки.

- Мне же домой еще ехать надо! – возмутился я.

- Куда? – деловито осведомился старший.

- До Висима.

- Ну это не далеко. На тебе на билет. – и он протянул мне пятерку.

- Брюки, Мишка, надо бы с него снять. Пусть домой едет в старых. – предложил тот, что залез ко мне в карман.

Но Мишка возразил:

–Пусть носит. Не оставлять же его без штанов.

Ребята ушли, а я отправился на станцию довольный уже тем, что брюки не отобрали и деньги на билет оставили, а то бы пришлось ехать зайцем.

Пройдет несколько месяцев и судьба снова сведет меня с Мишкой уже в армии.

Лето прошло нормально. В начале осени меня вернули на Кардон. С наступлением холодов настроение упало. С полей все убрали. Питание ухудшилось. Опять только те же 600 грамм хлеба с примесями и тарелка жидкого постного супа в обед.

Одежда окончательно износилась, пальто представляло жалкий вид, ботинки не поддавались ремонту.

Зима могла для меня очень плохо кончиться. В общем положение было скверное. Мне только исполнилось 17 лет и единственной надеждой стал призыв в армию, хотя и знал, что там будет не легко.

И этот момент наступил. В ноябре 1944 года мой, 1927, год рождения стали призывать.

Я много слышал о трудностях солдатской жизни, но впереди холодная, голодная зима. Со страхом вспоминаю прошлую весну и если не возьмут в армию, то жизнь моя в Кардоне может оказаться еще хуже чем в прошлом году.

На медицинской комиссии стоял вопрос о моей пригодности к несению военной службы из-за моего малого роста и моей худобы. Война шла к концу и кое-кого стали браковать, но я твердо заявил там, что я хочу служить.

Я помнил военные сборы в Нижнем Тагиле и знал что был там не последним, многим ребятам служба давалась труднее, значит и в армии будет также, думал я. Впоследствии я убедился что не ошибся в своих предположениях.

23 ноября втроем на санях мы выехали с поселка Кардон на сборный пункт Висима. Юру Сосновцева и Васю Зарубина провожала родня, меня никто не провожал и обо мне никто не плакал.

Последний раз с горы я оглянулся на поселок, который не принес мне счастья и на который мне не суждено было вернуться.

Почти полтора года, прожитых здесь, были самыми трудными годами в моей жизни. Начало юности было печальным.

Из Нижнего Тагила на следующий день нас увезли в товарных вагонах с двухъярусными нарами в Бершетские лагеря, в 40 километрах от Перми. Детство кончилось.

Началась новая жизнь.

Семьдесят лет спустя

После службы в армии на жительство в Белогорский поселок я не вернулся. Кроме могилы матери и воспоминаний о детстве, ничто больше не связывало меня с ним. Просто заехал на несколько дней, побродил по знакомым местам, посетил Белую гору, школу, где я учился и уехал. После 1947 года, когда выселенцы получили паспорта и полную свободу на выезд, многие жители поселка разъехались кто куда, молодежь в основном подалась на стройки Урала.

Я, после окончания горного института почти сорок лет проработал в Исовском прииске, на Белогорском поселке все же побывал еще несколько раз с интервалом в десять-пятнадцать лет и каждый раз с сожалением отмечал как люди и сами дома все больше и больше стареют, становятся как бы все ниже и ниже. Даже Белая гора не казалась уже такой высокой, какой я ее увидел первый раз.

Кировский прииск давно прекратил свое существование и взрослое население ушло работать на вновь открывшийся завод «Уралец» и другие мелкие предприятия и учреждения.

Обветшалые дома на поселке ремонтировали. По две семьи в одном доме уже не жили, многие дома скупались жителями близлежащих населенных пунктов, а выселенцы перебирались на поселок Уралец в благоустроенные квартиры, оставляя за собой на Белогорском поселке старое жилье с огородами под дачи.

Поселок вновь ожил, получил второе дыхание, в 60-е годы, когда рядом с ним, на склонах Белой горы, была построена электрифицированная горнолыжная трасса с подъемником и всеми необходимыми помещениями у ее подножья.

Ребята с Белогорского поселка и Уральца буквально заразились этим видом спорта. Зимой одиночками и группами молодые люди шли по улицам поселка к Белой горе. Много было приезжих не только из Свердловской, но и других областей Урала. Дети и внуки раскулаченных крестьян становились перворазрядниками, кандидатами в масте-

ра спорта и даже мастерами спорта. Здесь стали проводиться областные и зональные соревнования, которые для жителей поселка превратились в настоящие праздники.

С началом перестройки в стране, в девяностых годах, окончательно все рухнуло. Горнолыжная станция прекратила свое существование, завод на Уральце превратился в подсобный цех Нижнетагильского металлургического комбината (НТМК).

В начале октября 2001 года я еще раз посетил Белогорский поселок, который считал своей второй родиной. Еще во время службы в армии, учебы в институте и затем работы в Исовском прииске часто вспоминал детство, видел во сне те места, ставшие мне родными.

Они всегда представлялись мне в солнечном свете, уютными и красивыми, в этот раз не повезло. Моросил надоедливый мелкий дождь. Было сыро, холодно и неудобно. Я остановился по середине пустынной улицы. На ней не было видно ни одного человека, скотины и даже собаки. Стояла, как на кладбище, мертвая тишина.

Часть старых домов осталась, а на месте некоторых других образовались пустыри, где лежали сгнившие бревна, доски и мусор. На улицах появились и новые дома, некоторые из них двухэтажные, построенные добротной, с крытыми дворами, но они не радовали глаз, так как сделаны грубо, безыскусно, нелепо возвышаясь над своими старшими собратьями. О тротуарах, которые раньше, как стрела, тянулись вдоль фасадов домов, не было и помина. Водосточные канавы обвалились, заросли травой, и дождевая вода с горы потоками шла прямо по дороге, вымывая песок и мелкие камни. Ходить приходилось по середине неудобной каменистой дороги, перепрыгивая или перешагивая через ручьи. На улицах не видно ни одного деревца. Некогда зеленый рукотворный сквер исчез. Площадь, когда-то любимое место сбора подростков и молодежи, застроена и завалена разными материалами.

К счастью оказался открытым магазин, в нем, кроме молодой продавщицы, находилось два посетителя. Они и назвали мне две-три фамилии высленцев пожилого возраста, проживающих на поселке или имеющих здесь свои дома с огородами. Из названных я вспомнил Клавдию Крашенинникову, с которой в детстве учился в одном классе. К ней и зашел. Когда во дворе я ей представился, она сильно обрадовалась, крепко обняла меня и пригласила в дом. В беседе рассказала о своей жизни и о поселке.

Раскулачили и выслали их из Пермской области. До выселения жили в деревне, имели две лошади, две коровы. Земли было мало, приходилось прикупать ее у других. Семья состояла из восьми человек: дед с бабушкой, отец, мать и четверо детей. При выселении ничего с собой, кроме самовара и коромысла, не разрешили. С бабушки сняли даже вторую юбку, сказали не положено. Клавдия рассказывает: «Привезли нас сначала в лес, местечко называлось Крутой лог, близ поселка Красный Урал. Там стоял барак, в котором раньше жили старатели. Поздней осенью перевезли на Белогорский поселок, здесь я и прожила почти всю свою жизнь».

Постепенно раскопали землю под огороды, завели скотину. На поселке перед войной было стадо коров и стадо коз, кроме того были овцы, куры. Дед мой на поселке пас коров, отец работал на строительстве дражных плотин, вручную тачкой возил землю.

Старший брат, Александр, умный был парень. После окончания седьмого класса окончил училище, работал учителем, затем заведующим начальной школы, заочно учился в пединституте, но началась война и в возрасте двадцати лет попал на фронт. В 1942 году погиб под Ленинградом.

Постепенно умерли дед, бабушка, родители и все остальные члены семьи. Сейчас я осталась одна, была замужем, муж умер. Имею дочь и внучку, но они живут далеко отсюда».

Клава, вспоминая прошлую жизнь, оживилась.

«А помнишь, Костя, каким был наш поселок раньше? Чистый, опрятный, по улице ночью можно спокойно пройти, никто не обидит. Людей много, все трудолюбивые и отзывчивые, на улицах в выходные дни и в праздники шумно и весело. В клубе концерты ставили, кино показывали, молодежные вечера устраивали. К нам молодежь даже с Красного Урала приходила гулять. На поселке своими силами построили сквер, оборудовали небольшую спортивную площадку, для детей зимой катушку делали».

Всю эту работу возглавляли такие ребята и девочки как Петя и Клава Поповы, Федя Тюленев, Бессонов, мой брат Александр и другие.

Много хороших ребят погибло на войне: Леня Дрёмин, Сергей Скворцов, Иван Шихов, Рафка Стихии, двое Лебедков, всех и не упомнишь. Некоторые вернулись инвалидами и умерли в молодом возрасте. После войны такого веселья на поселке уже не было.

В первое время комендантом у нас был Дмитриев, хороший человек, к людям относился с пониманием, помо-

гал чем мог. Неплохой был и Медведев, а вот Алексеев очень грубый, не любил выселенцев, по пустякам придирался к ним, людей держал в строгости».

Сейчас на поселок едут дачники из Нижнего Тагила, в основном рабочие и служащие Нижнетагильского металлургического комбината. Их привлекает сюда тишина, чистый воздух, кристально чистая вода, лес и вообще природа.

Старые дома дачники сносят, строят новые, громоздкие. Везут металлопрокат: балки, швеллера, уголок и возводят железобетонные основания под дома и гаражи, но красиво строить не умеют или не желают, каждый думает только о себе. В целом поселок их не волнует. Очевидно сказывается время и обстановка, в которых мы живем.

Уезжал я из поселка с тяжелым чувством, как будто что-то потерял и прощался с местами где прошло мое тяжелое, но по-своему счастливое детство.

Но история Белогорского посёлка на этом не кончилась. Начиная с 2005 года началось строительство Горнолыжного комплекса «Гора Белая» и я стал там частым гостем.